

БЕНТЛИ ЛИТТЛ

«ОН — НАСТОЯЩИЙ МАСТЕР УЖАСА»

СТИВЕН КИНГ

18+

АКАДЕМИЯ

В П Е Р В Ы Е Н А Р У С С К О М Я З Ы К Е

Стивен Кинг поражен...

Бентли Литтл
Академия

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литтл Б.

Академия / Б. Литтл — «Эксмо», 2008 — (Стивен Кинг поражен...)

ISBN 978-5-699-94776-8

После перехода на самоуправление калифорнийская школа имени Тайлера изменилась буквально на глазах. Администрация начала вводить новые правила как для учеников, так и для учителей – странные, пугающие. В школе появилась скаутская дружина, следящая за порядком и исполнением предписаний директора. Устав пополнился разделом о наказаниях для провинившихся. В стенах школы расцвели жестокость и произвол. А несогласные с новыми правилами стали бесследно исчезать...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-94776-8

© Литтл Б., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

СТИВЕН КИНГ ПОРАЖЕН...

Бентли Литтл Академия

Bentley Little
The Academy

© 2008 Bentley Little. All rights reserved

Иллюстрация на обложке
Вячеслава Коробейникова

Пролог

- Чем займемся? – спросил Ван.
- Без понятия, – пожал плечами Курт. – Есть мысли?
- Не-а.

Двое подростков прислонились к закрытым гаражным дверям. Впереди лежала улица и долгий нудный день.

- Может, в баскетбол?
- Давай, – кивнул Курт.

После окончания учебного года приятели не были на школьном дворе ни разу, хотя прошлым летом они оттуда практически не вылезали. Курт недавно получил права, и началась райская жизнь. Ребята частенько ездили на пляж, «охотились» на симпатичных девчонок (которых еще попробуй найди!) – словом, всячески наслаждались долгожданной мобильностью. Увы, на прошлой неделе отец Курта увидел счета за бензин и быстренько прикрыл лавочку. Теперь до конца лета развлекайся пешком.

Курт с Ваном прихватили из холодильника «Кока-колу» и, перебрасывая друг другу мяч, побрели вниз с холма к старшей школе.

Ван надеялся, что кто-нибудь составит им компанию, однако спортивная площадка стояла пустой. Курт обрадовался. Он давно не играл и хотел сначала немного потренироваться без чужаков.

- Игроем в «Лошадь»?¹
- Тебе, что, три года? – фыркнул Ван. – Давай лучше в «Черт». Или в «Хрен».
- Ладно, в «Хрен».

Курт провел мяч по площадке, замер под корзиной, перекинул его снизу через голову, каким-то чудом попал в кольцо и бросил мяч приятелю. Тот попробовал повторить трюк, но мяч ударился о кольцо и отскочил.

- «Х»! – объявил Курт.

– Зацени! – крикнул Ван и, подражая шоу-команде «Гарлем глоббтроттерс», показал мастерскую проводку мяча.

Но Курт не заценил. Он смотрел в сторону школы.

Странно здесь как-то стало...

Здания окружала сетка-рабица – гипотетическая защита от вандализма. За ней виднелись запертые корпуса, казенные грязно-белые шторы на окнах. В прошлом году вид закрытой школы вызвал у Курта прилив радости, однако сейчас ему стало не по себе. Его нервировали даже поле и заасфальтированная баскетбольная площадка.

Кругом пусто, нигде никого – только они с Ваном.

Если с ними что-нибудь случится, никто не узнает.

- Я – профи! – воскликнул Ван.

Курт оглянулся. Мяч прыгал уже под корзиной.

- Прости, я не видел.
- В смысле?
- Отвлёкся.

¹ «Лошадь» – баскетбольная игра для двоих и более человек. Игроки по очереди забрасывают мяч в кольцо, выделявая при этом различные кульбиты. Каждый следующий участник должен в точности повторить движения предыдущего и попасть в кольцо. Если ему это удалось, он показывает свой кульбит. Если не удалось, он получает букву (за первую неудачу – «л», за вторую – «о» и т. д.). Кто первый наберет полное слово «лошадь», тот и проиграл. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Тебе «Х» автоматом! – возмущенно крикнул Ван. – Мне теперь повторять!.. Смотри внимательно.

Он провел мяч между ногами, на бегу описывая восьмерку, затем от линии штрафного броска выполнил боковой крюк слева и попал в кольцо.

Курт попробовал повторить. Едва он начал вести мяч, как тот резко отскочил от трещины в асфальте и сильно ударил Курта в подбородок. Зубы клацнули, он взвыл и схватился за ушибленное место, мяч поскакал в сторону. Курт провел пальцем по зубам – нет ли крови?

– «Р»! – торжествующе завопил Ван.

– Я больше не играю, придурок! Всё!

Курт пощупал два передних зуба – слава богу, на месте и не шатаются. Краем глаза он уловил движение, крадущуюся тень – вроде бы какой-то тощей девчонки. Она так быстро юркнула между зданиями, что Курт с сомнением подумал, не привиделось ли ему.

В классе миссис Хэйбек качнулись шторы – словно кто-то отпрянул от окна.

– Пошли отсюда, – сказал Курт.

– Да ну тебя. – Ван сделал боковой бросок.

Мяч отскочил от кольца, Ван быстро повторил маневр. Попал.

Курту было стыдно признаться в своем страхе. Он молча наблюдал за приятелем. Тот обвел мяч вокруг площадки и забросил его в корзину из-под кольца. Курт сам не понимал, чего боялся. Но ведь боялся же! На улице стоял белый день, припекало солнце, а страх все нарастал. Курт отошел в тень, под дерево, прислонился к стволу и стал думать, как уговорить Вана уйти.

Сверху упал орех, ударив Курта по макушке. Тот громко ойкнул. Не орех, а прямо камень какой-то! Курт сунул пятерню в волосы – на макушке вскочила шишка.

Вниз устремился еще один орех, стукнул Курта по руке. На ней тут же расцвел круглый красный синяк.

Ван неожиданно споткнулся, ничком рухнул на асфальт и вскрикнул от боли. Выругался, встал, глянул на колени. Курт даже из-под дерева увидел дыру на джинсах приятеля и кровь.

Что за дела?! Может, конечно, это воображение разыгралось, но у Курта вдруг возникло впечатление, будто их атакуют.

У ног приземлился очередной орех, промазав всего на дюйм.

Курт поспешно отошел от дерева.

– Пошли! – позвал он. – Пора валить!

– Нет, – с вызовом бросил Ван.

– Чувак...

– Говорю ж, нет! – В голосе друга прозвучала откровенная враждебность.

С чего Ван так завелся? Надо его уговорить, придумать что-нибудь нормальное, не бредовое...

Ван демонстративно повернулся к приятелю спиной и стал бросать мячик в дальнюю корзину. Значит, уйду сам, решил Курт.

Мяч отскочил от металлического щита и сильно ударил Вана в живот. Парень на миг задохнулся.

– Я ухожу! – объявил Курт.

– Давай, – буркнул Ван, не глядя на приятеля.

Курт пошел прочь. В конце учительской автостоянки он оглянулся. Ван продолжал кидать мяч в кольцо, отрабатывая свободный бросок.

Больше Курт своего друга никогда не видел.

Глава 1

Письмо пришло в середине июля. Это было очень странно – окружное управление образования обычно рассылало уведомления в конце августа. Вскрывая конверт, Линда Уэбстер мысленно подсчитывала выслугу лет и прикидывала варианты на случай грядущего увольнения.

Об увольнении в письме не было ни слова. В нем, наоборот, говорилось, что управление прогнозирует в этом году рост числа учащихся и потребность в двух-трех *дополнительных* преподавателях. Замечательная новость. Однако причина для столь ранней рассылки корреспонденции все же имелаась: управление информировало сотрудников старшей школы имени Джона Тайлера о том, что оно готово рассмотреть их заявление о предоставлении школе независимого статуса. Обсуждение состоится на ближайшем собрании, в понедельник двадцать третьего июля.

Линда посмотрела на мужа.

– Говорят, наш Тайлер станет независимой школой.

– Это как? – Фрэнк выглянул из-за компьютера.

– Сама не знаю.

– А в письме?..

– Оно без подробностей. – Линда еще раз глянула на бумагу и покачала головой. – Независимая школа, надо же. Неожиданная новость. Впервые об этом слышу. Причем тут упоминают какое-то заявление. Получается, Джоди уже подала заявление в школьный совет? Странно, что она ничего не обсудила с персоналом, не узнала нашего мнения. Даже в известность не поставила. Не похоже на Джоди.

– Зато вы избавитесь от контроля окружного управления.

Фрэнк был прав. На последних выборах в школьный совет победили консервативные фундаменталисты. Они сразу же начали старательно проталкивать в жизнь свою непостижимо идиотскую программу: отказаться от танцев/вечеринок/празднований на Хеллоуин, очистить библиотеки от книг про Гарри Поттера, запретить преподавание теории эволюции и отменить бесплатные завтраки-обеда для малообеспеченных учеников – мол, школа не обязана оказывать социальную помощь.

Окружному управлению подчинялись шесть школ. Все шесть директоров попробовали вразумить новое начальство. По последнему пункту они, например, напомнили, что Иисус всячески поддерживал бедняков. К тому же, отменив бесплатное питание, округ потеряет федеральное финансирование. Школьный совет не дрогнул. С тех самых пор школы неустанно спорили с окружным управлением образования по множеству вопросов, больших и маленьких.

Да, освободиться от этих фанатиков было бы здорово.

– Или, – продолжал Фрэнк, – вас всех уволят, а преподавание поручат какой-нибудь частной компании.

Такое тоже не исключено. Верить, конечно, не хотелось, но... Директор почему-то ни слова не сказала сотрудникам о грядущих переменах. Действительно планировала всех заметить?

Линда позвонила подруге, Диане Брук, которая заведовала в школе Тайлера кафедрой английского. Диана тоже пребывала в неведении и озадаченно читала письмо из управления.

– Странно, правда? – поделилась сомнениями Линда. – Джоди и словом не обмолвилась!

– Да уж. А представляешь, сколько нужно было подать бумаг? Значит, подготовка идет уже не первый день.

– Бобби! – хором воскликнули подруги.

Бобби Эванс. Как же Линда сразу о ней не подумала? Секретарь знала обо всем, что происходило в кабинете директора. Знала – и тоже молчала.

– Я ей позвоню, – сказала Диана. – Потом наберу тебя.

Не успела Линда дойти до кухни и выпить воды, как телефон зазвонил.

– У нее автоответчик, – доложила Диана. – Я оставила сообщение.

– Я хочу отправить всем мейл. Надо бы выяснить, кто еще не в курсе. Вдруг только мы с тобой?

– Джоди в рассылку включишь?

– Хуже не будет. Может, тогда она нас просветит.

– Что тебе известно о независимых школах?

– Почти ничего, – призналась Линда. – Они не подчиняются управлению, да? По типу частных школ?

– В Калифорнии, – начала Диана, – есть два вида независимых школ. Я в Интернете глянула. Собственно, я как раз про них читала, когда ты позвонила. Так вот, заведениями первого типа управляют наемные частные компании – такое практикуют в слабых школах из бедных районов. Мы к ним явно не относимся. В нашем округе Ориндж независимые школы обычно курируются управлением образования, но имеют большую степень свободы. Видимо, именно это нас и ждет.

– Зачем? Что Джоди задумала? Странно, правда?

– В независимых школах есть свои преимущества. К примеру, учебники. Мы сможем выбирать их сами, а не выполнять распоряжения свыше. У нас будет больше финансовой свободы. Считается, что независимые школы используют индивидуальный подход к ученикам и лучше, чем управление, знают их потребности. С другой стороны, отсутствие контроля, наверное, провоцирует разные злоупотребления.

– Ну, и что говорит тебе чутье? – спросила Линда. – Да или нет?

– Ох, – вздохнула Диана, – я не любитель перемен. Свой черт – хоть и черт, да роднее. А ты что скажешь?

– Понятия не имею, нужно больше информации. Только есть у меня подозрение, что эта история грозит проблемами с работой. Так и вижу, как все обещанные нам гарантии идут коту под хвост.

– Ты прямо как профсоюзный деятель, – рассмеялась Диана.

– Ну...

После разговора с подругой Линда разослала мейлы коллегам, но ответы стали приходить лишь на следующий день. Секретность вокруг таинственного заявления Джоди и ее непонятное молчание озадачили почти всех. Однако среди учителей оказалось на удивление много горячих сторонников независимости. Фрэнк был прав – людей привлекал не столько новый статус школы, сколько возможность избавиться от самодурства школьного совета. Тем не менее Линда все равно считала, что нырять с головой в неизвестность нельзя. Сперва нужно изучить все нюансы, а уж потом принимать окончательное решение.

Фрэнк жену поддержал.

– Поговори с преподавателями из других независимых школ. Узнай, насколько реальность расходится с обещаниями. Выясни, как людям работается, чем они довольны, чем недовольны. Прозондируй почву насчет увольнений и гарантий, которые тебя волнуют. Думай не только о ближайшем будущем, но и о долгосрочной перспективе. Да, уйти из-под контроля чокнутого школьного совета, конечно, хорошо. С другой стороны, в следующем году состоятся выборы, и состав совета может целиком поменяться. Что будет лучше для школы в конечном итоге? Думайте, взвешивайте, поступайте ответственно. Это очень важное решение.

– Обожаю твою логику. Ты у меня настоящий Спок из «Звездного пути». – Линда чмокнула мужа в нос.

– Только логику? – игриво намекнул Фрэнк.

– Сегодня вечером, – пообещала она.

Почти весь день Линда переписывалась с коллегами и говорила с ними по телефону. Ни директор, ни секретарь на связь ни с кем не выходили, хотя обеим было послано множество сообщений.

Информация о заявке на реорганизацию школы была доступна каждому: ее опубликовали на сайте окружного управления образования. Однако документ ничего не прояснял, а лишь рождал еще больше вопросов. В нем сообщалось, что предложенный заявителем проект устава соответствует требованиям штата, что проект этот успешно прошел проверку управления по делам образования в штате, что план реорганизационных мероприятий утвержден руководителем окружного управления образования, и что школа выполнила все пять обязательных учебных задач за положенные три года.

Устав уже написан? План мероприятий представлен окружному руководителю? Процесс запущен еще три года назад?

Целых три года?! И Линда, и ее собеседники-коллеги были потрясены. Их так долго держали в неведении? В заявлении говорилось, что реорганизация даст преподавателям возможность влиять на образовательный процесс; что они смогут сообща разрабатывать учебный план, а не просто выполнять приказы окружного управления. Если так, то начало было не самым правильным. Оно вызвало у учителей одну только злость – с ними не посоветовались, им даже не сказали!

Тем не менее некоторые преподаватели одобряли желание выйти из-под опеки школьного совета. Им нравилась идея демократии в школе, они мечтали об обещанном влиянии.

Линду же грызли сомнения.

* * *

Зал был набит битком, все места и проходы заняты. Родители и учителя подпирали стены, часть народу толпилась в коридоре. Явка была поразительная – редкая даже для учебного года, а уж для середины лета и вовсе неслыханная. Вокруг создания независимой школы подняли немалую шумиху. Окружная газета «Ориндж каунти реджистер» и местная «Санта-Мара сентинел» посвятили этой теме статьи. Агитаторы от обоих лагерей старательно подливали масла в огонь и вербовали сторонников. Впрочем, противников независимой школы практически не наблюдалось – разве что профсоюзы госслужащих пробовали роптать, но в консервативном округе Ориндж поддерживать профсоюз было смерти подобно.

Потому-то Линда и переживала.

Они с Дианой прибыли вдвоем, без мужей – те на собрание идти не захотели. Подруги приехали на полчаса раньше назначенного времени, однако маленькая стоянка перед управлением оказалась уже заполнена. Пока они искали место для парковки в соседнем квартале и спешили назад, время подошло к семи. Линда с Дианой взлетели на третий этаж в актовый зал и с трудом втиснулись в небольшой просвет у стены, рядом со входом – повезло, что не остались за дверью. Линда оглядела толпу. Присутствовали почти все учителя из Тайлера, много знакомых родителей. Линда прислушивалась к разговорам, пыталась уловить общее настроение. Шум стоял невообразимый.

– Смотри, – кивнула Диана. – Вон Джоди и Бобби.

Директор и секретарь молча сидели в первом ряду, глядя вперед и ничего вокруг не замечая.

– Странно, – ответила Линда. – Ведут себя как степфордские жены из сериала.

– Прикрой меня. Я в атаку.

Диана стала боком протискиваться вперед между родителями.

– Разрешите... Простите... Извините... Позвольте...

Наконец она достигла первого ряда, присела рядом с креслом Джоди и что-то произнесла. Линда со своего места ничего не услышала. Ей показалось, что директриса проигнорировала Диану, даже головы не повернула. Через минуту подруга вновь ледоколом рассекла толпу и пробралась на место. Лицо у нее было растерянным.

– Ну? – поторопила Линда.

– Мне посоветовали не совать нос куда не следует, чтобы не было хуже.

– Джоди?!

Диана кивнула. На смену ее растерянности пришла злость. К подругам начали подтягиваться другие учителя, желая послушать новости.

– Повтори, что она сказала, дословно, – попросила Линда.

– Так это дословно. «Не суй нос куда не следует, чтобы не было хуже». Жутким тихим голосом. Она на меня даже не глянула. Так и смотрела вперед. Бобби – тоже.

– На Джоди совсем не похоже, – заявил преподаватель вождения Дэвид Долливер.

– И не говори. Я прям остолбенела. Звучало как... угроза.

Ивонна Готье кашлянула.

– А я не удивлена.

Ивонна была в Тайлере новенькой – ее наняли в прошлом году, когда учительница математики вдруг решила не выходить на работу после декрета.

Все дружно посмотрели на Ивонну. Та нервно теребила сумочку.

– Вы не подумайте, Джоди замечательно ко мне относится, и директриса она потрясающая. Просто... На собеседовании она спросила, есть ли у меня дети – уже или в планах. Я ответила, что не замужем – хотя ей какое дело? – и что в будущем, когда-нибудь, хочу детей. Джоди резко переменялась. Лицо стало серьезным, а голос тихим и... угрожающим, как ты говоришь, Диана. Правда, жутко было. Джоди заявила, что сыта по горло моей предшественницей: та зареклась заводить детей, а сама соврала. Поэтому, продолжила директриса, если хочу получить место, я должна пообещать не беременеть. Я пообещала. Тоже соврала, но пообещала.

– Я знаю Джоди Хоукс еще по старшей школе Санта-Мары, – недоверчиво покачал головой учитель истории Кен Майерс. – Она добрейший, милейший, честнейший и достойнейший человек. Не верю, чтобы Джоди вела себя так непрофессионально и уж тем более кому-то угрожала.

– Я слышала это своими ушами, – не сдавалась Ивонна.

– Я, видимо, тоже, – кивнула Диана.

Толпа внезапно оживилась, гул голосов стал громче. Его сменила почтительная тишина – последний член окружного школьного совета занял место на трибуне, и собрание призвали к порядку. Сначала бегло обсудили кое-какие общие вопросы, быстро за них проголосовали и только потом перешли к заявлению Тайлера.

Несмотря на огромное количество присутствующих, дискуссия получилась на удивление короткой. Впрочем, напомнила себе Линда, люди пришли в основном слушать, а не говорить. Линда пожалела, что она так плохо знакома с темой. Нужно было все изучить и поучаствовать в обсуждении! Джоди выступила с презентацией, ответила на безобидные вопросы членов совета; большая группа родителей поддержала инициативу; главы профсоюзов высказались категорически против. Слушая так называемые прения, Линда все больше понимала: исход собрания – дело давно решенное.

Как же она раньше не догадалась? Линда думала, что совет не захочет терять контроль над школой Тайлера, но ведь главной целью этих фанатиков было искоренить в школах

государственные образовательные стандарты (мол, они «недостаточно христианские»). Ради этого совет не возражал даже поступиться собственной властью. Возможно, взамен Джоди дала какое-нибудь обещание или заключила тайную сделку – лишь бы добиться своего.

Предложение приняли при одном голосе «против». Тем не менее это не означало, что Тайлер автоматически поменял статус. На следующем, финальном, этапе следовало провести голосование среди сотрудников школы. Оно определит, чего желает большинство: обрести независимость или остаться под эгидой окружного управления. Если большинство одобрит перемены, несогласные смогут перейти в другое учебное заведение округа. Если же большинство выступит против, то идея с независимой школой повиснет в воздухе: придется либо запускать весь процесс заново, либо отказываться от идеи.

После собрания родители, ученики и местные журналисты обступили Джоди. Директора поздравляли, расспрашивали о будущем школы Тайлера.

– Пойдем отсюда, – сказала Диана.

Домой поехали мимо школы. Она стояла неосвещенная, черная. Круглые кроны деревьев сливались с очертаниями зданий, придавая им во мраке необычный вид. Школа вдруг показалась Линде неуклюжим чудищем, которое замерло перед прыжком. Странная мысль, раньше ей ничего подобного в голову не приходило, а ведь Линда бывала здесь по ночам сотни раз...

Она отвела взгляд и зябко поежилась. Лишь через несколько кварталов Линда поняла, что именно ее насторожило. Освещение отсутствовало не только в самой школе, но и вокруг. Словно в одном-единственном квартале пропало электричество. Школа выглядела не просто средоточием темноты, а ее источником. От такой метафоры Линде стало очень неуютно.

Диана будто прочла ее мысли.

– Все меняется, – сказала она.

Линда не совсем уловила, что именно прозвучало в голосе подруги – печаль или тревога. Не радость, точно.

– Что ты думаешь про независимую школу? – спросила Линда.

После собрания они говорили только о странном поведении Джоди и совсем не обсуждали главного.

– Какая разница? Все решат и без меня.

– И все же?

Диана вздохнула.

– Учти, я от своих слов отрекнусь. Еще два часа назад мне бы такое и в голову не пришло, но теперь перспектива вручить Джоди полную власть над школой пугает меня до чертиков. После ее выходки...

– Да, школьный совет хотя бы отозвать можно, – кивнула Линда. – Он ведь выборный.

– Ты тоже не купилась на обещания про великую демократию?

– Право голоса каждому сотруднику? Учительское самоуправление? Счастливая коммуна, где царит любовь и выполняются все наши желания? Нет, не купилась.

– Независимые школы, они такие. В правилах это черным по белому написано. Ты же слышала Джоди.

– Да. Слышала.

Дома Фрэнк смотрел в постели повтор «Детектива Монка». Хоть что-то в этом мире было неизменно. У Линды отлегло от сердца. Успокоенная, она почистила зубы, разделась и скользнула под одеяло, к мужу. Они занялись любовью. И хотя Фрэнк одним глазом все время косил в телевизор, боясь пропустить конец серии, вышло неплохо.

Нет, прекрасно вышло.

Глава 2

Спустя два дня Линда получила по почте тяжелый пакет. Внутри лежала толстая подшивка – двести отсканированных страниц. Титульный лист гласил «Независимая старшая школа имени Джона Тайлера. Устав». Там же обнаружили сопроводительное письмо и номерной бюллетень с двумя вариантами ответа: «Принять устав» и «Отклонить устав». Бюллетень следовало сдать на общем собрании, назначенном на десять утра в понедельник.

После заседания школьного совета Линда, конечно, обсуждала будущее Тайлера с Дианой и другими коллегами. Они считали, что на реорганизацию уйдет не меньше года: слишком много нюансов нужно учесть, слишком много точек над «і» расставить. Графика никто не знал; все предполагали, что новый устав – если его примут – вступит в силу лишь на будущий учебный год. Однако в сопроводительном письме четко говорилось: директор вместе с уставным комитетом планируют нововведения уже в нынешнем учебном году и хотят немедленно получить от управления необходимые полномочия.

Ни о каком уставном комитете Линда понятия не имела, поэтому имена семерых его членов она прочла с большим интересом. Все – преподаватели и сотрудники, которые, по слухам, были ярыми сторонниками грядущих перемен. Секретарь директора, Бобби – куда ж без нее? Джанет Фрателли, библиотекарь-фашистка. Двое новеньких, их Линда знала лишь в лицо – учитель математики Арт Коннор и учитель музыки Джозеф Карр. Со следующими тремя коллегами она последнее время конфликтовала: учительница истории Нина Хэйбек, физрук Джон Николсон и учитель рисования Скотт Суэйм. С Ниной Линда поругалась из-за девятиклассницы, у которой были проблемы с обучаемостью. Нина унизительно отчитала девочку перед всем классом, и та расплакалась.

Состав компании не сулил ничего хорошего, и Линда решила обсудить новость с Дианой.

– Значит, нам Джоди и полслова не сказала про все эти уставы с независимостями, зато сколотила целую команду, которая полна планов и рвется в бой, – возмутилась подруга. – Мое мнение о Джоди полностью изменилось, причем всего за неделю. Я ведь искренне восхищалась нашей чудо-директрисой – она поставила школу на ноги, сделала столько хорошего... Я была благодарна Джоди, считала ее другом! Если б в прошлом семестре ты сказала мне, что все станет по-другому, я назвала бы тебя ненормальной.

– Точно, – согласилась Линда. – Я не встречала начальницы лучше. Может, она такой и осталась?.. Хотя открытие, конечно, не из приятных: оказывается, Джоди давным-давно готовила тайный переворот, а с нами вела себя как ни в чем не бывало.

– Между прочим, мы с тобой громче всех жаловались на школьный совет, особенно после выборов.

– Вот именно. Не понимаю, почему Джоди нам не рассказала. Странно... Тоже мне, государственная тайна! К чему такая секретность? По-моему, наоборот, если б Джоди привлекла к делу учителей, это был бы замечательный аргумент в пользу «переворота». А так...

– А так все выглядит подозрительно, – поддакнула Диана.

– Угу.

– Слушай, вдруг мы ошибаемся? Наверное, без чокнутого правления жизнь у нас и правда станет лучше. Может, Джоди хочет не власть заграбастать, а пользу школе принести?

– Может, – с сомнением протянула Линда.

– Ты права, – вздохнула Диана. – Джоди жаждет власти. Да здравствует королева.

Устав оказался жутким документом. Он оговаривал множество нюансов и изобилдовал непонятными юридическими терминами. Позаимствовали этот документ у кого-то, что ли? Или подключили к работе юриста? Директор с секретарем ни за что бы такого не сочинили.

Устав не только определял систему управления и субординации в будущей школе, но и перечислял новые правила – как для учеников, так и для сотрудников. От количества предписаний голова шла кругом. Просто Оруэлл какой-то! Кошмар. Сопроводительное письмо утверждало, будто цель реформы – избавиться от «душащей руки» окружного управления и вновь сделать упор на преподавание. Если так, то метод был выбран странный. Столь изощренная, коварная система окружным бюрократам и не снилась.

Внимание Линды привлек подпункт: «Соглашения между организациями трудящихся и окружным управлением образования не распространяются на сотрудников независимой школы. Любой профсоюз и любая организация трудящихся, желающие представлять интересы сотрудников независимой школы перед уставным комитетом, обязаны получить одобрение данного комитета, который имеет право по собственному усмотрению разрывать любые соглашения и договоренности».

Линда еще раз перечитала абзац. Разве это законно? Она позвонила в профком и попросила к телефону Лайла Джонса, председателя учительского объединения. Тот сказал, что насчет законности данного требования никто ничего не знает, поэтому профсоюз из всех сил стремится помешать утверждению устава.

– Понятно, почему его одобрил школьный совет, – добавил председатель. – Они всегда выступали против профсоюзов. Наша задача – донести это до учителей и предупредить их о последствиях голосования за устав.

– Собрание уже в понедельник! – возразила Линда. – И голосование тогда же. Не обижайтесь, но вы как-то слабо доносите до нас информацию. Это ведь не вы мне позвонили, а я вам. Со мной из профсоюза никто не связывался. Ни писем, ни звонков...

– Мы разослали мейлы всем членам профсоюза, – растерялся Джонс. – Мы даже родителей обрабатываем: пусть они тоже надавят на учителей со своей стороны. Ничего хорошего в такой реформе нет. Она не только ослабит профсоюзы и повлияет на наши отношения с окружным управлением, но и оставит сотрудников вашей школы без профсоюзной защиты и без компенсаций. Мы выкладываемся из всех сил, жмем на все рычаги.

– Значит, у вас что-то поломалось, – сказала Линда. – Мне письмо не пришло.

– Я проверю. Но вы сами говорите – голосование уже в понедельник, у нас цейтнот. Можно я отправлю вам мейл с кое-какой информацией, а вы разошлете его другим учителям? Подстрахуете.

– Конечно.

– Нужно всех предупредить.

– Неужели новое правление школы и правда вправе аннулировать наш коллективный трудовой договор? Отменить все гарантии?

– Мы подадим в суд, профсоюз штата нас поддержит. Беда в том, что суд может принять сторону правления. Такое уже имело место, хотя случаев крайне мало. Независимые школы – пока большое новшество. Мы, скорее всего, проиграем.

Линда была потрясена. Она принялась обзванивать учителей, и ее потрясение возросло. Поддержкой профсоюза дорожили лишь немногие. Люди просто не понимали, что профсоюз – их единственный защитник от рабочих притеснений и несправедливых взысканий. Среди преданных союзников Линды оказались Диана, учителя английского Рей Чен и Стив Уоррен, преподаватель столярного дела Алонсо Руиз, «француженка» Мэри Мерсер, учительница обществознания Сьюзен Джонсон и еще несколько человек. Новенькие сотрудники, пока не заработавшие пожизненного контракта, в основном были ярыми противниками профсоюзов, а многие коллеги пока не определились. Тем не менее Линда добросовестно переслала полученный мейл всем – вдруг прозреют.

На собрание она пришла пораньше. Джоди с единомышленниками расстарались на славу. Зал празднично украсили: по стенам развесили рекламу организаций, суливших

будущей независимой школе щедрые пожертвования. На длинном столе грудой высились пончики, стояли напитки, вазы с фруктами. Каждому входящему вручали папку. В ней были газетные статьи, поющие дифирамбы независимой школе, и материалы исследований, иллюстрирующие высокие достижения такой школы по сравнению с традиционным учебным заведением. Понятно, что до голосования прочесть никто уже ничего не успевал. Бумаги эти должны были поразить «избирателя» своим количеством и подтолкнуть его к нужному решению.

– Хорошо, что мы сможем вести обсуждение и голосовать в спокойной, честной и беспристрастной обстановке, – съязвила Диана, явившаяся минут через десять.

Линда, которая до тех пор бродила среди коллег и прислушивалась к разговорам, поведала подруге, что ничего пока не ясно.

– Многие высказывают сомнения, так что надежда есть.

Время подошло к десяти. Люди стали рассаживаться, и подруги заняли места впереди. Диана неуютно поерзала в пластиковом креслице.

– Могли бы хоть нормальные стулья раздобыть, – проворчала она.

– Вот станем независимой школой, тогда и на стулья денег будет хоть отбавляй, – с готовностью сострила Линда.

– Держите ехидные комментарии при себе, – раздался за спиной голос Бобби. Подруги оглянулись на недовольную помощницу директора. – Ваше мнение никому не интересно.

– Ой, простите, – ласково пропела Диана. – Я ошибочно полагала, что живу в свободной стране. Впрочем, я ведь простая учительница английского... Что я понимаю в истории?

Бобби презрительно фыркнула и пошла дальше к центру зала.

– Слушай, – громко сказала Диана Линде, – кажется, мне тут не рады. Пойду-ка я лучше домой.

Бобби рванула назад к ним. Лицо у нее пылало, глаза сердито сверкали.

– Собрание обязательно для всех!

– Вынесете мне выговор? Уведомление о нем можете сунуть в мой личный почтовый ящик. – Диана встала, бросила на кресло врученную ей при входе папку и взяла сумочку.

– Проголосовать сегодня должны все!

Диана молча смотрела на Бобби.

– Прости, – вдруг примирительно сказала та. – Я перетрудилась, работы было непочатый край...

– Ладно, – невозмутимо кивнула Диана, повернулась к секретарю спиной, подобрала папку, села.

– Злая ты, – сообщила подруге Линда и улыбнулась в затылок удаляющейся Бобби.

– Да, формы не потеряла, приятно, – радостно подтвердила Диана.

Наконец собрание началось. Почти все вокруг жевали пончики и фрукты. Взятка, про себя отметила Линда. Джоди вышла на сцену, взяла со стойки микрофон, поприветствовала коллектив. Затем коротко описала собрание школьного совета – для тех, кто не ездил в управление. Она была милой и жизнерадостной, радушной и участливой: старая добрая Джоди Хоукс, а не давешняя жесткая мегера.

– Я приведу примеры изменений, которые ждут нас в случае независимости школы. Если вам они по душе, высказывайте свое мнение.

– Начинается, – шепнула Диана.

Толпа, покончив с угощением, теперь внимательно слушала.

– Приняв устав, мы станем хозяевами своей судьбы, не будем больше зависеть от прихотей школьного совета.

– Да! – выкрикнуло несколько голосов.

Линда повертела головой. Бобби, Джанет, Арт, Джозеф...

Уставный комитет.

– У нас появится демократическое управление, и каждый сотрудник сможет влиять на решения по поводу своей работы.

– Да!

Все спланировано, поняла Линда. Сердце у нее тревожно сжалось. В зале явно разыгрывали отрепетированное представление.

Задумка была хорошая, действенная для любой толпы. Люди перенимали общее настроение, поддавались ему. К голосам уставного комитета начали присоединяться другие голоса. К сторонникам Джоди примыкали все новые учителя; после каждого ее призыва отклик публики звучал еще громче, еще пламенней.

– Мы найдем способ снизить затраты, а за счет сэкономленных средств поднимем зарплату сотрудникам!

– Да!

– Закупим новые учебники и новые компьютеры в каждый класс!

– ДА!

– Привлечем к воспитательному процессу родителей!

– ДА!

– Обязем родителей вкладывать в обустройство школы либо деньги, либо время!

– ДА!

– Десять часов или сто долларов!

– ДА!

– Каждую четверть!

Горячее скандирование воскресило у Линды в памяти телесериал «Незнакомцы с конфеткой» с Эми Седарис в главной роли. В одной из серий героине пытались промыть мозги некие сектанты. Все они были в одинаковых нарядах и дружно, как по команде, пели песню «Щедрый стол». Вот и нынешнее действо очень уж смахивало на собрание секты. Линда представила, как она вдруг вскакивает и, притопывая, начинает хлопать и распевать во всю глотку: «Сяду я за щедрый стол! Сяду я за щедрый стол! Сяду я за щедрый стол, и день тот недалек!»

Линда хихикнула.

Увы, как раз в этот миг скандирование стихло.

Директриса с подиума одарила Линду хмурым взглядом. Сидящие справа от Дианы Джанет Фрателли и Кен Майерс вытянули шеи и посмотрели на Линду с осуждением. От этого смех разобрал ее еще сильнее. Она почувствовала себя ребенком, который в храме думает о козьяках и какашках. Ее скорчило от смеха – неуместного, дикого в подобной ситуации и потому неудержимого.

Диана не хохотала вместе с Линдой, зато улыбалась из солидарности. Вспыхнули улыбки и на лицах нескольких учителей. Директор решила не обращать на них внимания, громче заговорила в микрофон. Времени для ознакомления с уставом и прочими материалами было достаточно, объявила Джоди, все уже наверняка приняли решение насчет дальнейшей судьбы школы Джона Тайлера.

– Остались ли у кого-нибудь вопросы?

Взметнулось множество рук.

– У меня нет времени ответить на все, – сказала Джоди. – Но я попробую для...

– Почему же нет времени? – поинтересовалась Диана. – Чтобы принять взвешенное решение, нужно иметь максимум информации. Или у вас есть дела поважнее, чем убедить нас поддержать вашу инициативу?

Джоди напряглась.

По залу пролетел одобрительный шепоток.

Директор попробовала спасти положение и выдавила натянутую улыбку.

– Конечно, я с радостью отвечу на любые вопросы.

Вопросы, как на грех, были в основном безобидными. Джоди щелкала их, как орешки, и чувствовала себя все уверенней. Хотя кое-кто высказал свои сомнения, таких людей оказалось слишком мало, и четких ответов они не услышали. Диана спросила, повлияет ли реорганизация на пожизненные контракты, а Линда уточнила, сможет ли администрация увольнять учителей без компенсации. Директриса (не без самодовольства, заметила Линда) сообщила, что эти нюансы определятся позже, причем так сформулировала фразу, что у зала сложилось впечатление, будто решение будут принимать все, большинством голосов. Однако Линду терзали смутные подозрения.

Наконец поднятых рук больше не осталось.

– Ну что ж, хорошо, – с улыбкой подытожила Джоди. – Теперь проголосуем. Если вы за обретение независимости от окружного управления и за устав в предложенном виде, поднимите руку.

– Разве мы не в бюллетенях должны галочку ставить?.. – начал было Стив Уоррен.

– Тайного голосования не будет, – заявила директор. – Я хочу знать позицию каждого.

Линда посмотрела на соседей. На некоторых лицах проступило удивление и замешательство, но ни возмущения, ни гнева не было. Удивительно!

Она встала.

– Если в нашу школу и правда придет демократия, если каждый сможет высказывать мнение и голосовать по важным для нас вопросам, тогда нынешнее голосование должно быть тайным. – Линда твердо глянула на директора. – Ваш метод несет в себе скрытую угрозу: тех, кто проголосует против воли администрации, запомнят и впоследствии, видимо, накажут. Это – антитезис всему, что вы наобещали нам в случае независимости.

Антитезис... Хорошее слово. Линда восхитилась тем, что вспомнила его вот так, без подготовки. Оно сорвалось с языка само и усилило эффект от тирады, придало аргументам Линды интеллектуальный вес и законность.

Краем глаза Линда заметила, как Бобби что-то записывает – наверняка ее, Линды, имя и фамилию, – и рванула сквозь толпу к секретарше, перешагивая через чьи-то ноги и протискиваясь мимо кресел.

– Что ты пишешь? – потребовала ответа Линда. – Покажи.

Бобби нависла грудью над столом, прикрывая планшет с листочком согнутой рукой: точь-в-точь отличница, прячущая экзаменационные ответы от назойливых глаз одноклассников.

– Нет!

– Покажи.

– А ну, хватит! – рявкнула со сцены Джоди.

Единый вздох вырвался из груди школьного коллектива – потрясенный, испуганный, – и директор, похоже, осознала, что перегнула палку.

– Вот вам и демократия, да? Вы правы, Джоди. Хватит. Давайте голосовать. – Линда пригвоздила Джоди невозмутимым взглядом и пошла на место.

Директор на миг растерялась и не смогла быстро собраться с мыслями. Затем поправила микрофон и повторила призыв голосовать поднятием рук.

– Давайте заполним бюллетени. – Линда продолжала стоять.

Вокруг закивали, согласно зашептались.

– У кого есть ручка? – громко спросил Стив Уоррен, не сводя глаз с Джоди.

– Ладно, – улыбнулась та.

Она старательно изображала любезность, однако Линда явственно ощущала, как Джоди зла. Оставалось надеяться, что залу это тоже очевидно. По приказу начальницы Бобби

сходила в дальний конец зала, принесла коробку с ручками, раздала их. Учителя, сотрудники администрации, обслуживающий персонал – все дружно проставили в бюллетенях галочки и свернули листки.

– Передайте бюллетени направо, – велела Джоди. – Бобби соберет их и подсчитает голоса. Ручки можете оставить себе.

Линда вновь встала.

– Думаю, подсчет должны вести двое, чтобы обошлось без подтасовок.

– Потому-то я и предлагала голосовать открыто. Ради прозрачности, – с ласковой улыбкой пожурела ее Джоди. – Можете помочь с бюллетенями, если хотите. Мы их, конечно, проверим дважды – во избежание ошибки.

Бросив многозначительный взгляд на Диану, Линда пробралась в конец ряда, вместе с Бобби собрала листки бумаги и отнесла их на стол в конце зала. Все сгрудились вокруг, а Линда с Бобби начали считать.

Линда покончила со своей стопкой, обменялась бюллетенями с Бобби. Подсчет велся независимо друг от друга, числа совпали. На всякий случай проверили еще раз. Результаты сошлись.

Победили голоса «за».

Глава 3

– Ну, и чего нам теперь ждать? Больше работы? Больше денег? Чего?

Пятеро уборщиков – трое штатных и два совместителя – не сводили глаз с Энрике, своего начальника. Тот чересчур старательно сыпал сахар в кофе. Больше в столовой никого не было. Карлос вдруг заподозрил, что Энрике знает не больше их самих.

– Понятия не имею, – сказал тот.

Хоть честно.

– Работайте себе как обычно.

– Нет, чего ждать-то? – не унимался Майк. – Сейчас еще можно перевестись в другую школу. Пока все это неофициально, мы ходим под окружным управлением. Запахнет жареным – успеем слинять. Но как только колесики завертятся, конец. Застрянем тут. А вдруг станет хуже? Хочу понять, на каком мы свете.

– Я не знаю. – Энрике обвел уборщиков глазами. – Еще недовольные есть?

Карлос с Ракимом переглянулись.

– Нам не нравится здесь по ночам, – произнес Карлос.

– Найдите другую работу, – посоветовал Энрике. – Дальше?

– Работа нас устраивает, – возразил Карлос. – Не нравится только здесь. Ночью.

– Баба, – презрительно бросил Энрике.

Карлос попробовал объясниться, но тщетно. Не обращая на него внимания, Энрике уставился в свои записи.

– Так, тихо, – приказал он. – Сегодня у нас много дел, слушайте внимательно.

Летучка завершилась рано, еще до конца дневной смены. Карлосу нужно было заступать на дежурство лишь через два часа, поэтому он поехал домой. Позвонил Марии, назначил свидание на пятницу. Сварил себе на ужин сосисок, посмотрел конец «Побега из Нью-Йорка». Вернулся в школу.

Карлос оставил машину на служебной стоянке. Солнце садилось, на асфальте центрального двора лежали длинные тени. В подсобке, рядом с уборочными тележками, уже ждал Рахим. Лицо у него было недовольным, и Карлос сразу понял почему.

– Черт, кто тебя за язык тянул? – упрекнул Рахим.

– Перестань, мы уже все обсудили.

– Ну и что? Зачем было говорить Энрике? Теперь у нас ночная смена «до скончания наших долбанных дней».

– Ты знал, что я расскажу. И хотел этого.

– Да, но...

– И вообще, ты ж молчал. Так что ночные смены только у меня. Ты свободен и «чист».

– Не, братан, куда ты, туда и я. Мы напарники.

– Напарники?

– Ага.

– Ты просто не хочешь работать с Майком.

– Точно, – осклабился Рахим.

Как обычно, подбросили монетку. Карлос проиграл. Значит, Ракиму доставалась уборка канцелярии, библиотеки и нижних классов, а Карлосу – спортзал, художка, музыкальный кабинет и классы наверху.

– Какая радость, – пробурчал он.

– Развлекайся! – громко хохотнул Рахим.

...Карлос толкал по двору тележку и каждой клеточкой ощущал безмолвие и пустоту классов в полутемных учебных корпусах. Скрежет колес и дребезжание уборочных инстру-

ментов звучали громко, слишком громко. Карлос сутулился, ежился – словно так он меньше привлекал внимание. За лето со школой что-то произошло. Карлос работал здесь восемь лет, последние три года – в ночную смену, и никогда ничего не боялся. Он ведь не ребенок, чтобы пугаться темноты. Но в последнее время тут стало как-то странно, беспокойно. Жутковато. Почему – точно и не скажешь, да только на душе очень уж нехорошо. Они с Ракимом даже это обсудили. Сперва, правда, не всерьез. Карлос мимоходом, с грубоватыми шутками, упомянул про всполошивший его громкий удар в стену класса; потом он заглянул в соседнее помещение, но источника шума не нашел. Раким, посмеиваясь, рассказал, как чуть не выпрыгнул из штанов, когда с учительского стола сама по себе грохнулась стопка книг. Пришлось Ракиму тогда убирать не только за школьниками, но и за собой – с перепугу разлил бутылку моющего средства. Через неделю после разговора выяснилось, что оба таинственных события произошли в одном и том же классе, и что были и другие странности. Тогда напарники отбросили притворную беспечность и выложили друг другу все без утайки. Оказалось, оба они слышали необъяснимые звуки и встречали жутковатые картины в разных местах школы. Потому-то Карлос и решил пожаловаться Энрике – хотя и непонятно, что мог по этому поводу сделать начальник.

Теперь он, ясное дело, считает Карлоса с Ракимом последними слабаками, а остальные уборщики небось хихикают втихомолку или даже готовят какой-нибудь страшный розыгрыш.

Раким прав. Надо было держать болтливый рот на замке.

Карлос вздрогнул – тележка с громким лязгом налетела на трещину – и торопливо оглянулся.

Чего он боялся?

Боялся, что его учует *нечто*, притаившееся в темноте.

По небольшому подъему Карлос дотолкал тележку до кабинета музыки, открыл двери универсальным ключом, привычно щелкнул выключателем. Наверное, воображение разыгралось, только лампочки вроде бы горели слабее, чем в прошлом году. Оборудование нигде не меняли, но Карлосу казалось, что за лето освещение во всей школе потускнело. Он пытался себя уговорить – мол, это сделано специально, для экономии. Верилось с трудом.

Оркестранты – так же как и футболисты, и девочки из группы поддержки – возвращались в школу за несколько недель до начала учебного года. Карлос оглядел небольшой подиум с левой стороны класса. Большинство инструментов спрятали или разобрали по домам, но парочка, как всегда, осталась. Сейчас в самом центре подиума стояла туба, прислоненная к складному металлическому стулу. Карлос присмотрелся к ней. Верхний свет играл на золотистом ободке вокруг черной дыры, расположенной в середине большого рожка. Зрелище было завораживающим, глаз не оторвать. Карлос, не мигая, смотрел в темное отверстие. Взгляд словно затягивало туда, *внутри*, в голове все кружилось, как в водовороте.

Карлос заставил себя отвернуться. Его трясло от страха. Нет уж, лучше уйти. Мусора не видно, беспорядка нет. Мыть полы и вытирать пыль необязательно. Одну ночь кабинет переживет и без основательной уборки.

Ммммммммммммм...

Карлос подскочил на месте. Что за звук? Низкий, непрекращающийся... Откуда?

Похож на... Будто кто-то на тубе играет, да!

Карлос быстро глянул на инструмент. Тот стоял на прежнем месте – нетронутый, неподвижный. Черное отверстие посреди блестящего золота выглядело еще более зловещим.

Ммммммммммммм...

Звук не умолкал – словно у невидимого игрока было бесконечное дыхание, и он собирался дуть в гигантский рожок вечно.

Потихоньку вступила барабанная дробь, хотя никакого барабана не наблюдалось. Голоса двух инструментов зазвучали в унисон, сливаясь в единый погребальный плач.

– Да пошло оно! – громко заявил Карлос.

Может, грубые слова докажут этому... этой... Докажут – Карлос не боится.

Он ведь и вправду думал, что тут кто-то есть, он не верил, будто таинственные звуки – лишь обычные ночные скрипы. От этой мысли стало еще страшнее. Карлос резко рванул назад, под аккомпанемент неутрачивающей задушевности песни толкнул тележку из класса и запер за собой дверь. Выскочил быстрее, чем хотелось бы, – сразу ясно, что дал деру. Ну и ладно. Зато он опять на улице, а не в той жуткой комнате!

Радио в подсобке забыл...

Да что с ним такое? Как он свяжется с Ракимом, если что-нибудь... *произойдет?*

Карлос постоял, напрягая слух. Наконец с облегчением различил возле канцелярии скрип Ракимовой тележки, его фальшивый голос, подпевающий музыке из наушников. Стало спокойней. Карлос оглядел двор и решил начать с физкультурного блока. Спортивные корпуса стояли в северном конце школы, отделенные от остальных зданий теннисными кортами и бассейном. Обычно Карлос оставлял этот участок напоследок, но сегодня бродить там глубокой ночью не хотелось. Уж лучше поскорее с ним закончить и потом работать в классах, поближе к Ракиму. Если все пойдет хорошо, Карлос, может, даже соберется с духом и уберет музыкальный кабинет.

Вспомнилась туба и медленный бой невидимого барабана.

А может, и не уберет.

Ночь выдалась прохладной. Легкий ветерок ерошил волосы. Карлос шел по открытой галерее между кабинетами общественно-научного. Галерея выглядела длинной. Гораздо длиннее, чем всегда. Словно в кино: когда камера отъезжает назад, и обычное расстояние растягивается до невероятных размеров. Впереди, в арочном проеме, виднелись затемненные корты и огороженный бассейн, дальше округлой глыбой маячил спортзал.

Энрике прав, покайнно вздохнул Карлос. Я – баба.

Он заставил себя идти вперед. Размеренно, ровно – словно смелее него нет человека на свете. Пора кончать с этой нервотрепкой, иначе придется искать новую работу. Нельзя же каждую ночь шархаться от собственной тени.

Вот бы перейти в дневную смену...

Карлос добрал до физкультурного блока – администрация называла его спорткомплексом, – собрался было войти внутрь и быстренько протереть деревянный пол, но замер перед девичьей раздевалкой. В свое время эта манящая запретная комната по другую сторону от спортзала была для юного Карлоса с приятелями-школьниками священным Граалем, именно о ней они чаще всего думали и мечтали. Даже теперь раздевалка не совсем утратила своей привлекательности. По ночам, надраивая здесь бетонные полы или намывая кафель, Карлос невольно представлял разгоряченные девичьи тела: как они обнажаются, принимают душ, надевают одежду, снимают ее...

Но сейчас... Он насторожился.

Из раздевалки доносились голоса. Какие еще голоса? Сегодняшние тренировки давно закончились. По вечерам в физкультурном блоке должно быть тихо, как в могиле.

Могилы.

Черт. Почему в голову пришло именно это слово?

Карлос вздрогнул. Затем попробовал включить логику. В спорткомплексе звуки часто бывали странными. Высокий потолок в зале украшали деревянные балки, кафельные душевые напоминали гулкий бункер, тренерские кабинеты разделялись не стенами, а перегородками с огромными окнами. Все это искажало голоса. Иногда казалось, будто они шли из одного места, а на самом деле – из другого. Раз сейчас никого в здании быть не должно,

то вполне возможно, что какой-нибудь тренер забыл, например, выключить у себя радио. Голоса в женской раздевалке? Объяснение наверняка самое заурядное.

Только верил ли в это Карлос, а?

Нет.

Он припал ухом к щели в двустворчатой двери. Голоса. Мужские и женские. Карлос почему-то медлил, не мог открыть дверь и заглянуть внутрь. В раздевалке не просто разговаривали; оттуда доносились стоны и всхлипы, мычание и судорожные вздохи. Это напоминало оргию – только вот участвовать в ней совсем не хотелось. Да, Карлос слышал крики удовольствия, легкие ритмичные шлепки по коже, но было и другое. Неприятные, тревожные звуки. И мужской смех – резкий, безжалостный, чересчур громкий. Слов было не разобрать, все заглушал этот грубый смех.

Похожий на смех отца.

Сердце Карлоса затрепыхалось, застучало с перебоями. До чего знакомые интонации... Отец всегда хохотал, когда колотил сына, – а такое случалось часто. Правда, Карлос уже много лет не думал о побоях. Перед тем как уйти навсегда, старик избил его пряжкой от ремня. Оба были голыми, и член у отца стоял. Карлос никому об этом не рассказывал. Он успешно сослал кошмар на задворки памяти и до сих пор о нем не вспоминал. Но, оказывается, боль и унижение никуда не делись и терзали его по-прежнему. Терзали невыносимо.

Карлос рывком распахнул дверь раздевалки.

Тихо.

Тихо и темно.

Ему не почудилось, нет! Он включил свет, судорожно вцепился в метлу. Если что – будет ею отбиваться.

Карлос медленно пошел вперед. Раздевалка выглядела пустой. Он проверил кабинеты тренеров, прочесал все коридоры – искал что-нибудь неладное. Не ждал – да и не *хотел* – ничего обнаружить, однако посредине центрального прохода, на плоской лавочке между двумя рядами запирающихся шкафчиков лежали влажные окровавленные полотенца.

Со стороны душевых долетел громкий шлепок, за ним девичий вскрик.

И грудной резкий смех.

Отец.

Карлос рванул назад. Пальцы, крепко сжимавшие метлу, болели. Он не прикрыл за собою дверь, не запер ее, даже тележку не забрал. Просто помчал на всех парусах прочь от спорткомплекса, мимо пустых теннисных кортов, по открытой галерее между кабинетами обществознания...

И едва не сбил с ног Ракима.

– Господи! – завопил тот.

Он уже закончил уборку в канцелярии и направился к классам на первом этаже.

Закончил в канцелярии?

Работы там было по меньшей мере на час, а прошло всего минут десять. Карлос присмотрелся к напарнику. Может, с ним что-нибудь произошло?

– Ты как?

– Отлично. – Раким старательно отводил взгляд. – Ты-то от кого бежишь, как угорелый?

Карлос хотел обо всем рассказать напарнику – уж кто-кто, а Раким поверит. Похоже, он и сам увидел в канцелярии что-то такое... Но вопрос прозвучал с издевкой, и Карлос вдруг вспомнил, как Раким возмутился из-за разговора с Энрике.

Карлос вытер со лба пот, глубоко вздохнул.

– Ни от кого я не бегу. Все нормально.

Глава 4

– Офигительно длинный денек будет, чувак.

Брэд Бекер глянул через плечо и увидел своего приятеля Эда Хейнса. Тот тяжело дышал. Он явно только что бежал, но сейчас шел показным неторопливым шагом и делал вид, будто совершенно случайно оказался здесь одновременно с Брэдом.

Бекер улыбнулся – Эд вечно из кожи вон лез, хотел быть крутым, да только не судьба. Они дружили с третьего класса, вместе их свела фанатичная любовь к «Звездным войнам». Эд не вписывался ни в одну компанию, на любой тусовке выглядел самым странным чудиком. Брэд, конечно, и сам не мог похвастать большой популярностью. Так, заурядный середнячок среди безликого большинства. Однако Эд был не просто прирожденной жертвой: он действовал людям на нервы и, похоже, этим упивался. За годы дружбы Брэду не раз пришлось спасать приятеля от трепки, причем даже от девчонок. Взгреть его мечтал чуть ли не каждый школьник.

В нынешнем году вряд ли что-нибудь изменится.

– С дороги!

Мимо на велосипедах промчала стайка учеников, из нее вылетело яблоко и, расколовшись, приземлилось на дорожке у ног Эда.

– А вот и начало, – осклабился Брэд.

– Блин, – заключил Эд.

Они побрели по Грейсон-стрит к школе.

– Короткое было лето, Чарли Браун², – вздохнул Брэд.

– Ясен пень. Мы стареем, годы летят все быстрее. Моргнул – тебе уже сорок. Обернулся – на пенсию пора.

– Мне даже восемнадцати нет! Целый месяц еще. А тебе вообще до апреля ждать.

– Без разницы.

Приятели свернули за угол. В квартале от них желтый школьный автобус въезжал на автостоянку Тайлера.

– Ненавижу школу, – заявил Эд.

– Не все так плохо.

– Мама сказала, что если я завалю в этом году хоть один предмет или рискну пить на вечеринках – короче, если буду вести себя как нормальный старшеклассник, – то не смогу купить машину, на которую коплю.

– Какое совпадение. Моя сказала то же самое.

– Мистика, а? Они друг друга терпеть не могут, придерживаются совсем разных политических взглядов, а ведут себя совершенно одинаково.

Брэд рассмеялся. Что да, то да. Мама Эда была яркой сторонницей консерватора-републиканца Раша Лимбо. Она не признавала вторичную переработку отходов и энергосбережение, поскольку не верила ни в какое глобальное потепление. Мама Брэда, убежденная либеральная демократка, не признавала вторичную переработку отходов и энергосбережение, поскольку, по ее мнению, консерваторы специально переключали внимание общества на поведение отдельных индивидов и тем самым мешали правительству решать проблему в целом. Обе мамы и слышать не хотели о философии «думай глобально, действуй локально», которую их дети постигали в школе и пытались воплотить дома.

У обеих мам были сходные взгляды на денежную благотворительность. Мама Эда приравнивала безвозмездные взносы к налогообложению – мол, деньги достаются ей нелегким

² Название некогда популярного мультипликационного телесериала на основе комиксов (1969).

трудом, почему она должна их кому-то отдавать? Мама Брэда видела в благотворительности очередные происки консерваторов: люди *обязаны* платить налоги, но если отдельный индивид безвозмездно расстается со своими деньгами, то всем остальным жертвовать уже не обязательно.

В результате этих грандиозных философий обе мамы, по иронии судьбы, на удивление часто вели себя совершенно одинаково.

Вот как сейчас.

– У Эда, у Эда в башке полно бреда! – проорал Ларри Доджсон из машины, забитой футболистами.

Эд, не глядя, поднял средний палец.

– Офигительно длинный денек будет... – повторил он.

Эд сразу же пошел в канцелярию – ему неправильно составили расписание. Брэд заглянул в обеденную зону. Столовая была еще закрыта, а на поляне выпускников никого из нормальных ребят не наблюдалось. Брэд вышел во двор, поболтал с теми, кого не видел с прошлого года, и вновь встретился с Эдом у шкафчиков. Шкафчики закреплялись за учениками на весь срок учебы в школе. Брэд сунул рюкзак за металлическую дверцу, запер ее собственным навесным замком и вдобавок набрал код на встроенном замке.

Шкафчик Эда находился на один ряд ниже и на два правее. На дверце по-прежнему красовались выведенные фломастером буквы «Э.Х.» – хотя за лето школу должны были отдрать.

Буквы означали не только инициалы Эда, но и словосочетание «экскременты хорька» – надпись появилась после соответствующего урока биологии.

Делать кому-то было нечего.

Эд достал из рюкзака обед, положил его на полочку вверху шкафчика.

– Слыхал про Вана? Вана Нгуена?

– А что с ним? – спросил Брэд.

– Его вроде как похитили. Возле канцелярии плакат висит.

– Я тоже слышала!

Брэд обернулся. От стоянки к ним шла Майла Эллис. У него участился пульс. В конце прошлого года они типа вроде как почти встречались. Она провела лето в Денвере, у отца с мачехой, и Брэд с Майлой чуть ли не каждый день слали друг другу мейлы. Однако в середине июля что-то переменялось: письма Майлы стали сдержанней и суше, в ответ Брэд начал писать так же. У него было подозрение, что она встретила другого – там, в Денвере. Майла вернулась к маме уже больше недели назад, но они так ни разу друг другу и не позвонили. Брэд не знал, что и думать. Он украдкой вытер потные ладони о штаны.

– Привет, Майла, – произнес Эд. – Ты себе нового парня в Денвере завела?

Хотите разболтать тайну – доверьте ее Эду. Брэд покраснел, но за реакцией Майлы проследил внимательно.

– Нет, конечно. – Она вспыхнула и, продолжая смотреть исключительно на Эда, добавила: – А вы, ребята? Завели себе новых девушек?

– Нет! – поспешно влез Брэд.

Майла наконец перевела глаза на него.

– Я думала...

– Нет.

– А вот я думаю, что вам надо поговорить. До скорого. – Эд вскинул руку.

– Увидимся на математике. – Брэд постарался передать другу взглядом свою огромную благодарность. Затем повернулся к Майле. – Какой у тебя первый урок?

– Физра.

– В восемь утра? Жесть. Покажи расписание.

Еще до начала лета они постарались составить расписание так, чтобы у них совпало как можно больше предметов. Ребята сверили распечатки. Так и есть: у обоих на третьем уроке биология, на четвертом – английский, на шестом – экономика. Их руки нечаянно соприкоснулись, Брэд и Майла отпрянули друг от друга, свернули листки, убрали их в папки. Кожа у Брэда горела. Выходит, его чувства к Майле никуда не делись. Хотя он это и так знал.

– Значит, ты не встречаешься с другим?.. – начал Брэд.

Прозвенел звонок.

Ученики заспешили по классам, только Брэд с Майлой не двинулись с места.

– С чего ты вообще такое надумал? – Она покачала головой.

Он хотел объяснить, но ей нужно было бежать через всю школу на физкультуру, а ему – в соседний корпус на испанский.

– Поговорим позже, – решил Брэд. – Тебе пора. Увидимся на биологии.

Исчезновение Вана Нгуена взбудоражило всю школу. О происшествии рассказали на утренней пятиминутке; каждый учитель зачитал своему классу обращение родителей Вана, написанное совместно с полицией. Мальчик пропал около месяца назад. Последним его видел друг, Курт Дженсен: ребята играли в баскетбол на школьном дворе. Вана, по-видимому, похитили. Учеников призывали остерегаться незнакомых людей, подозрительных машин и всего необычного.

Удивительно, подумал Брэд, что сам он узнал об этом только сейчас. Ведь наверняка о похищении передавали в новостях или писали в газетах.

Курт посещал те же занятия по алгебре, что и Эд с Брэдом, и Брэд хотел перед вторым уроком разузнать подробности. Остальные, судя по всему, хотели того же. Стоило Курту войти в комнату, как его окружила толпа, но он заявил, что ничего не скажет. Курт выглядел по-настоящему пришибленным – хотя прошел уже целый месяц – и постоянно твердил: мол, полиция запретила ему обсуждать случившееся. Врет, решил Брэд. Ему почему-то стало не по себе. Похоже, об этом исчезновении что-то недоговаривали – и Курт, и полиция, и родители Вана.

У Брэда был приятель в школьной газете, Брайан Браун. При встрече, решил Брэд, надо будет предложить Брайану взять у Курта интервью про похищение Вана.

– Думаешь, он умер? – шепнул Эд, когда мистер Коннор повернулся к классу спиной и начал писать на доске. – Был бы жив, уже объявился бы.

– Не знаю.

Брэд глянул в окно. На краю поля шел урок физкультуры: ученики бомбардировали мячами баскетбольные корзины. Отсюда серые металлические щиты больше всего напоминали надгробья на столбах.

Какая-то неприятная баскетбольная площадка, заключил Брэд.

И похвалил себя за то, что записался на теннис.

* * *

Перед обедом Брэд с Майлой подождали Эда возле шкафчиков и поспешили на поляну выпускников. Наконец-то они перешли в последний класс! Теперь у них появилось право обедать на маленьком травянистом участке, куда раньше ходу не было. Место оказалось занято: футболисты вместе с болельщицами из группы поддержки оккупировали и столик в центре, и невысокую стену вокруг поляны.

В результате друзья устроились на своем прежнем месте рядом со столовой. К ним подсели подруги Майлы – Синди, Реба и Шерил. Эд с Брэдом не особенно любили девчонок из ученического совета, но компания *любых* девчонок была лучше компании жалких «холостяков», с которыми пришлось бы обедать в противном случае.

Брэд жевал бутерброд с индейкой и вспоминал сегодняшние уроки. Математика – нудятина, биология сойдет, испанский как испанский. Зато английский – блеск. Мало того что рядом была Майла, так еще миссис Уэбстер подобрала им потрясающий список литературы на семестр. Гюнтер Грасс, Курт Воннегут, Джон Фаулз... Какие имена! Брэд сразу почувствовал себя умным и взрослым – словно он уже готов к колледжу.

Эд запивал начос «Доктором Пеппером».

– Ну а что в ученическом совете думают про байду с независимостью? – поинтересовался он.

Ответа не последовало. Девочки явно боялись высказывать свое мнение. Тогда Эд добавил:

– По-моему, это полный отстой.

– Твоя мама пойдет на добровольную отработку? – спросил Брэд. – *Сорок часов отработки, представьте!*

– Моя-то? – фыркнул Эд. – Еще чего. Надеется забить. Хотя я подозреваю, что тогда ее заставят заплатить штраф. Она жутко психует. «Я плачу налоги, которые идут на содержание государственной школы. Так я должна в ней еще и работать? Или вносить деньги, как в частном заведении?!» – Эд очень натурально изобразил свою маму и усмехнулся. – Я посоветовал ей считать это абонентской платой. Она меня чуть не прибила. Абонентскую плату мама уважает, – пояснил он Майле. – Налоги ненавидит, а абонентскую плату любит. Хмм... – Эд почесал подбородок, изображая глубокую задумчивость. – Может, сказать ей, что у нас ввели «налог на образование»? Она тогда совсем взбесится.

– Моя мама *пока* обещает ходить на отработку, – сказал Брэд. – Посмотрим.

– Вообще странно, – протянула Майла. – Требовать отработки в школе? По-моему, это незаконно. Все ведь имеют право на бесплатное образование, разве нет? А как быть детям бедняков? Если родители, к примеру, трудятся с утра до ночи и у них нет времени ходить на отработку? А выкинуть четыре сотни в год они тоже не могут. – Она тряхнула головой. – Четыреста долларов! Куча денег. – Майла посмотрела на Шерил, президента ученического совета. – Давай поднимем этот вопрос на собрании – вдруг мы сможем что-то изменить?

– Это, наверное, не наше дело, – смущенно отвела глаза Шерил.

– Не наше? Ученики нас выбрали! Мы должны отстаивать их интересы!

– Я пошла в казначеи только ради хорошей характеристики, – заявила Реба. – Менять мир я не нанималась. Если родители не хотят отбавывать или платить, пусть идут к администрации и договариваются сами. – Она помолчала. – Между прочим, я рада, что родителей заставляют принимать участие в жизни школы.

– Ага, – поддакнула Синди.

– Добровольно-принудительная отработка, – хмыкнул Эд. – Это из той же оперы, что «гигантский карлик», да? Как такие выражения называются, не помнишь?

– Оксюмороны, – подсказал Брэд.

– Точно. «Заботливый учсовет» тоже к ним относится.

– Чего вы вообще тут сидите? – огрызнулась Реба. – Поищите себе отдельный стол!

Эд сгреб пакет с обедом и приподнял невидимую шляпу.

– Дамы, – произнес он вместо прощания.

Брэд улыбнулся, встал следом за другом.

– Ну, до шестого урока, извини, – сказал он Майле.

– Извини, критические дни! – громко объявил Эд.

– Фу! – дружно крикнули Синди и Реба.

Ребята перенесли еду на освободившийся стол в другом конце обеденной зоны.

– Умеешь ты друзей заводить, – рассмеялся Брэд.

– Работа у меня такая. Как Майла вообще связалась с этими козами? А с тобой? Она тебе, между прочим, не по зубам.

– Ее выбрали в ученический совет – так она связалась с ними. А со мной... Видимо, у нее хороший вкус.

– Точно. – Эд вытянул шею, заглядывая приятелю через плечо. – Что там такое?

Брэд обернулся. У баскетбольной площадки собралась толпа учеников. Фанаты игры часто жертвовали обедом и проводили там всю большую перемену, но сегодня дело было в другом. Что-то явно произошло. От площадки бежал какой-то паренек, громко зовя приятеля:

– Птица, мужик! Врезалась прямо в щит! За ней – еще две! Бум, бум, бум! Вторая вообще отскочила и влетела в кольцо! Пошли смотреть!

– Слыхал? Глянем? – предложил Эд.

– Что я, дохлых птиц раньше не видел? – помотал головой Брэд. – Лучше доем.

– Я скоро. – Эд рванул к растущей толпе, но Брэд в ту сторону даже не повернулся.

Потому что ему вдруг стало страшно.

Он никогда не отличался суеверием. Наверное, просто весть об исчезновении Вана навеяла странное настроение. Так или иначе баскетбольная площадка вызывала у него тревогу. Поэтому Брэд просто сидел и жевал банан, а к краю поля бежали все новые и новые ученики – поглазеть на птиц-самоубийц.

Глава 5

Линда приехала на работу на час раньше. Она не сомневалась, что в школе еще никого нет. Однако Джоди уже была на месте. Мало того, была не у себя в кабинете, а стояла одинокой статуей в дальнем конце коридора на втором этаже. Поднимаясь по лестнице в класс, Линда неожиданно заметила женскую фигуру, испуганно вздрогнула и рассмеялась, чтобы скрыть нервозность.

– Я не думала, что тут кто-то есть!

Джоди не ответила. Молча посмотрела на Линду, затем отвернулась и пошла вниз по другой лестнице.

Странно. Впрочем, директриса вела себя странно уже не первый день: с самого начала истории с независимостью, с того собрания в окружном управлении. Словно вместо открытой, покладистой и доброжелательной женщины, с которой Линда работала последние несколько лет, им подсунили двойника, бездушную самозванку. Чего Джоди ждала там, в коридоре? Что высматривала? Кого она напонила Линде? Открывая класс, Линда вдруг сообразила: тюремную надзирательницу! Застывшая у дальней стены директриса – торжественная, суровая – походила на тюремщицу, которая проводит осмотр камер. «Ну и метафора в голову пришла, – удивленно подумала Линда. – Неужели оправданная? Посмотрим, учебный год только начинается».

Линда приблизилась к окну. По дорожке между деревьев шагала к канцелярии Джоди – целеустремленно, не глядя по сторонам. Двор был пуст: ни учителей, ни учеников, ни уборщиков. Хорошо, что Джоди работала в другом здании. Остаться с ней наедине Линде не хотелось бы.

Словно услышав чужие мысли, Джоди застыла, обернулась и посмотрела прямо в окно. Линда побледнела, отпрянула – вдруг ее заметили? *Страшно*, если заметили... Что за глупое ребячество! Лишь подойдя к своему столу, она поняла, что не дышит, и с протяжным свистом выпустила воздух.

Сердце бешено стучало, словно после столкновения с кошмарным чудовищем, в ушах шумело. Линда с тревогой прислушалась – не хлопнет ли дверь? Не простучат ли шаги? Не вернется ли Джоди?

С тревогой?

Почему? Чего ей бояться? Она у себя в кабинете, работает. И взбрело же ей в голову прятаться, отскакивать от окон, прислушиваться к шагам! Смешно. Фрэнк живот надорвал бы.

Но, как бы Линда ни старалась убедить себя в нелепости происходящего, напряжение не отпускало. Взвинченная и напуганная, она лишь через несколько минут набралась мужества вновь выглянуть в окно. Двор был пуст.

Линда перевела взгляд на небольшое одноэтажное здание. Канцелярия. Последнее время там царила какая-то странная атмосфера. Заходить туда стало неудобно.

Все из-за Бобби. В последнее время та вела себя, как еще один директор. Ей поменяли название должности и повысили зарплату – теперь Бобби называлась не секретарем, а административным координатором, – и это явно вскружило ей голову. В обязанности Бобби по-прежнему входило отвечать на звонки, набирать приказы и подхалимничать перед Джоди, однако Бобби, похоже, возомнила себя властелином всего обзримого. «Власть людей портит», – заметил по этому поводу Стив Уоррен.

Канцелярия превратилась для Линды в очень неприятное место. На злополучном голосовании Бобби, судя по всему, и вправду записала фамилии недовольных и затаила на них злобу. Стоило Линде прийти за почтой или за ксерокопией, как секретарь – *администра-*

тивный координатор – бросала свои дела и начинала глазеть. Телефонные разговоры ставились на удержание, болтовня с коллегами обрывалась – Бобби молча испепеляла Линду взглядом, пока та не уходила. Линда завела привычку проверять почтовый ящик вместе с Дианой или с кем-то из приятельниц. А вчера она малодушно отправила в канцелярию вместе себя помощницу – сделать копии домашнего задания.

Линда задумчиво смотрела на здание канцелярии. Что там сейчас делает Джоди? Из головы не выходило странное поведение директрисы, ее жуткий взгляд, когда она застыла посреди двора и уставилась на Линду в окне – прямо мороз по коже. Воображение нарисовало, как Джоди неподвижно сидит в темном-темном кабинете: на губах играет дьявольская усмешка, а горящие глаза неотрывно смотрят на нечто, невидимое глазу простого смертного.

Линда вздрогнула, отвернулась. Так, пора браться за работу. И чем быстрее, тем лучше. Хватит раздувать слона из каждой мухи.

Вчера привезли большую коробку – закупленные на класс экземпляры «Колыбели для кошки» Курта Воннегута – и бросили ее рядом со стопками писчей бумаги. Все это нужно было распаковать. Линда поставила книги в этажерку, бумагу спрятала в шкафчик. Ночные сторожа вытерли обе доски, хотя Линда оставила им записку с просьбой ничего не трогать. Пришлось кропотливо восстанавливать записи. Наконец Линда устроилась за столом и распечатала батончик-мюсли.

Неожиданно стало тихо. Чересчур тихо. Она не замечала этого, пока трудилась, но теперь тишина показалась гнетущей. До Линды вдруг дошло, что она в здании одна-одиношенька. Она вскочила и заперлась изнутри.

Надо отвлечься. На полке за преподавательским столом стоял переносной CD-плеер. Не какая-нибудь маленькая штучка с наушниками, вроде «Айпода», нет – обычный дешевый проигрыватель, купленный несколько лет назад. Линда поставила диск старой группы «Назз», подаренный Фрэнком в июне на день рождения. Она думала заняться учебными планами, но вместо этого просто сидела и слушала музыку. В подростковом возрасте у Линды был оригинальный виниловый альбом этой группы, и сейчас хорошо знакомые аккорды вернули ее в юность. Даже тогда песни «Назз» уже считались пережитком прошлого, музыкой предыдущего поколения, но в том и состояла их притягательность. В школе Линда почти не ходила на свидания и после переезда Мэдди, своей лучшей подруги, чувствовала себя ужасно одинокой и заброшенной. Спасала музыка – гнала одиночество прочь. Особенно музыка конца шестидесятых – начала семидесятых. Линда часами слушала записи у себя в комнате, и песни вели с ней беседы. Группы вроде «Назз» не просто понимали и отражали ее чувства, они давали надежду. Композиции, пришедшие из прошлого, были полны наивности и целомудрия своей эпохи и одновременно указывали путь в завтрашний день, который будет лучше сегодняшнего.

Мелодии юности пробудили в душе легкую приятную грусть. Линда задумалась о ценности искусства, о том, как много для нее значат музыка и литература. Сама собой родилась идея: отложить учебные планы на завтра, а сегодня обсудить в каждом классе не *что* они изучают, а *зачем*. Нынче люди помешались на экзаменах, тестах и оценках. Родители ревностно сличали уровень образования в разных странах, политики принижали все, что не вело к выбору конкретной профессии. На этом фоне не мешало бы поговорить с детьми о важности тех предметов, которые обогащали душу, а не характеристику.

На первый урок Линда ждала двенадцатиклассников. Им скоро предстояло выпорхнуть в огромный мир, и для них вопрос «зачем» вместо «что» наверняка особенно актуален.

Линда выключила музыку, отперла дверь. Школа оживала. Уже слышались голоса и шаги в коридоре. Линда выглянула в окно. Двор заполнялся учениками.

Она в безопасности.

Странная мысль.

Зато честная.

Сегодня Линда поняла, что она больше не хочет оставаться в школе одна. Надо предложить Диане ездить на работу вместе постоянно, а не от случая к случаю.

Ко второму звонку ученики сидели на местах. Отсутствовала одна девочка по имени Оливия, в лицо ее Линда не помнила. После обычного утреннего ритуала – краткие объявления, клятва верности флагу – Линда велела всем отложить карандаши и ручки. Они просто немного поговорят, сказала она. Без записей.

– Каково предназначение искусства? – спросила Линда и увидела полное непонимание на лицах.

– Я думал, у нас урок английского, – пропищал Антонио Гонсалес.

– Я имею в виду не просто живопись или скульптуру, но искусство в целом. Изобразительное искусство, конечно, а также музыку и... – Линда театральным жестом раскинула руки, – литературу. Например... английскую! – Она вновь оглядела класс. – Зачем же нам нужно искусство? Почему оно стало необходимой частью человеческой жизни?

Беседа шла совсем не так, как представляла себе Линда. Собственно, и беседы-то никакой не было. Был, скорее, монолог. Или лекция. Линде пришлось *объяснять* ученикам, почему искусство важно, а ведь она хотела подвигнуть их на поиск собственного ответа. Наверное, для столь свободного общения еще не пришло время. Учебный год едва начался, дети пока к ней не привыкли, а Линда не привыкла к ним. Доверие между нею и классом созреет немного позже, постепенно. Хотя... Линда присмотрелась внимательней. Почти все ребята были ей знакомы. Три четверти класса ходило к ней на уроки в прошлом и позапрошлом году. Дети не знали друг друга? Вряд ли это заставляло их отмалчиваться.

Нет, причина крылась в другом. Ученики просто не желали идти тем путем, на который Линда их приглашала. Ее посыл был им чужд. На втором уроке она уже не пробовала начинать обсуждение со следующим классом и вела занятие по первоначальному плану.

Нынешние дети совершенно не воспринимали информацию, выходящую за привычные рамки. Прискорбно. Реклама, фильмы, телепередачи постоянно твердили о том, как важно мыслить нешаблонно, но среди молодежи на это были способны лишь единицы. Причем школы такую способность не развивали. В мире господствовало стандартизированное обучение, а от Линды как от преподавателя требовалось лишь одно: подготовить детей к экзамену, чтобы балл аттестата у них был как можно выше, а денег впоследствии – как можно больше. Ее даже посетила крамольная мысль: может, эксперимент с независимой школой не так уж и плох – если он даст учителям возможность использовать другие методы обучения?

Раньше знание малоизвестных любопытных фактов обеспечивало человеку интеллектуальное уважение окружающих. В юности Линда с друзьями старались обскакать друга: выискивали заумные мелочи из области музыки или литературы и небрежно роняли их в разговоре – словно такое обязан знать каждый. Глупость, конечно, но какая пьянящая! Она побуждала исследовать новые миры и погружаться с головой в неизведанные темы. Конечно, с возрастом Линда поняла: значение имеют лишь собственные переживания, родившиеся от соприкосновения с искусством, а вовсе не бесполезные поверхностные факты, свидетельствующие о прочтении некой книги или прослушивании некоего произведения. Нет ничего фальшивей и претенциозней человека, который выдает себя за большого мыслителя, повторяя чужое мнение. Однако сегодня Интернет искоренил даже это банальное стремление прослыть интеллектуалом. Ученики искали информацию только по необходимости, использовали ее и тут же выбрасывали из головы, не утруждая себя запоминанием. Они жили в мире «Википедии», где знания больше не требовались.

Может, Линда ошибалась. Может, так – с Интернетом – лучше.

Вряд ли...

На обед Линда, как обычно, пошла в учительскую комнату отдыха. Ее обустроили в дальнем помещении без окон, примыкавшем к театральной студии, – жутко неудобно для всех, кроме преподавателя актерского мастерства. Однако с недавних пор Линду это, наоборот, радовало: руководство не слишком жаловало комнату на отшибе и чаще всего оставалось есть у себя в канцелярии. А у Линды в нынешнем году была цель: видеть Джоди как можно реже.

За столом Стив Уоррен с Реем Ченом шуршали упаковками с обедом, рядом Ивонна Готье разогревала в микроволновке полуфабрикат. К удивлению Линды, они обсуждали важность искусства.

Неужели эту тему подняли ученики на уроках? Может, попытки Линды не прошли даром? На душе повеселело.

Однако коллеги пребывали в том же умонастроении, что и сама Линда после первого урока, – они сокрушались по поводу культурной безграмотности современного поколения.

– Интеллект больше не в ходу, – покачал головой Стив. – Все рушится. Раньше, если ты небрежно упоминал в разговоре нужных писателей и музыкантов, книги и фильмы, то морочил всем голову и выдавал себя за умного. А теперь дети знают так мало, что даже не подозревают о своем незнании. Услышанное тут же вылетает из головы, их ничего не волнует. Удручающая картина.

– Фильмы шикарные были, – поддакнул Рей. – Иностранное кино, старые комедии. Очень волнующе, особенно на первом свидании.

– Помнишь начало семидесятых, старшие классы? – спросил Стив. Они с Реем оба выросли в Анахайме и подружились еще в детстве. – Как мы бегали в старый кинотеатр и смотрели картины с братьями Маркс, Уильямом Клодом Филдсом, Лорелом и Харди?

Рей кивнул.

– А какими древними они нам казались...

– Да уж, – хохотнул Рей.

– Так вот, нас с ними разделяло всего лет тридцать. А фильмы семидесятых? Которые для нас были новыми? Скажем, «Монти Пайтон и священный Грааль», «Томми» или «Энни Холл». Для наших учеников они так же далеки, как для нас был далек Уильям Клод Филдс.

– Точно. – Рей сделал в уме подсчеты и удивленно покачал головой. – Черт. Мы старые!

Беседа сошла на нет – в комнату отдыха подтянулись другие учителя. Линда не успела вставить ни слова. Сьюзен Джонсон, с трудом скрывая раздражение, сообщила соседу, что ей нужно отпроситься у Джоди на свадьбу к деверю. Раньше они могли использовать отгулы без разрешения.

– Видели с утра Джоди? – полюбопытствовала Линда.

Интересно, подметил ли кто-нибудь еще странное поведение директора?

– Я встретила ее перед третьим уроком, – вспомнила Ивонна. – Она шла в библиотеку.

– Школа получила независимость, и Джоди теперь днем с огнем не сыщешь, вам не кажется? – заметила Сьюзен.

– Занята, наверное, – предположил Стив.

– Чем?

– Не знаю. Независимыми делами.

Линде хотелось рассказать про сегодняшнее утро, про то, что она увидела и пережила. Но, честно говоря, ничего особенного она не видела, а переживания... Если попытаться сформулировать их вслух, прозвучит по-дурацки. Ее антиреформаторские настроения были хорошо известны, и любое бездоказательное заявление прозвучало бы просто воплем бессилия.

И, вполне вероятно, дошло бы до ушей директрисы.

Линда не знала, кто из коллег на чьей стороне.

В комнату вошла Мэри Мерсер, унылая и явно не в духе.

– Привет, Ворчун, – поддел ее Рей. – Что, Белоснежка потерялась?

– Отстань, – ответила учительница французского.

Судя по тону, ей было не до шуток.

– Что случилось? – подошла к ней Линда.

– Не знаю. Надеюсь, ничего.

– Что?

– Ничего.

Мэри красноречиво скосила глаза на диван, где Нина Хэйбек с Кеном Майерсом обсуждали новые учебники истории. Линда понимающе кивнула.

– Потом, – успокаивающе произнесла она и легонько сжала руку Мэри.

«Потом» наступило после занятий. Зайдя в женский туалет, Линда обнаружила Мэри: та изучала свое отражение в зеркале над раковиной и промокала красные глаза бумажным платком.

– Так, – сказала Линда. – Выкладывай.

Мэри молча посмотрела на нее.

– Давай. Мы здесь одни.

Та помотала головой.

– Мэри!

– Ден... Деннис. Я... – Она судорожно вздохнула. – Прости. Не могу. Это... как в низкопробном шоу.

– В чем дело? – мягко подтолкнула Линда.

Мэри в зеркале моргнула.

– Я нашла мейлы. У него в компьютере.

– Нет!

– Да! От какой-то шлюхи по имени Тина. – Мэри вновь промокнула глаза. – Может, ничего такого, конечно, может, я все надумала... – Помолчав секунду, она твердо сказала: – Нет, не надумала. Я прочла письма, и они именно такие.

– Недвусмысленные?

– Да. – В глазах Мэри вдруг блеснул доверчивый огонек, отчего она стала похожа на ребенка. – Так ведь теперь многие делают, правильно? Ну, то есть это часто просто выдумка, фантазия. А на самом деле у них нет романа, только... переписка. Да?

– Я бы такого не потерпела, – честно призналась Линда.

– Вот и я тоже... Я в ужасе. – Мэри вновь собралась заплакать.

– Ты с ним поговорила?

– Не могу! Он узнает, что я прочла его почту. Обманула его доверие.

– Ты? Обманула его? Он у тебя за спиной пишет сексуальные письма неизвестно кому.

– Пишет. – Мэри опустила глаза.

Линда смотрела на нее. Что тут посоветуешь? Чем утетишь? Это было ужасно, но в глубине души Линда испытывала облегчение от того, что подобное случилось не с ней.

– Как поступишь? – спросила она.

– Понятия не имею.

– Нельзя же так все оставлять.

Мэри коснулась ее руки.

– Спасибо, Линда.

– За что?

– За то, что выслушала.

По дороге домой у Линды разболелась голова.

– Ну, как прошла первая неделя в независимой школе? – бодро поинтересовался из кухни Фрэнк, едва жена вошла в гостиную.

Он просиял улыбкой, однако Линде вопрос смешным не показался. От ее взгляда улыбка мужа мигом растаяла. Он вытер руки и сочувственно спросил:

– Что, так плохо, а?

Линда вздохнула.

– Ну, не так, но от прошлого года сильно отличается. Причем не в лучшую сторону.

Она умолчала о своей беседе с Мэри, зато рассказала про ненормальное поведение Джоди, про свою неудачную попытку вовлечь детей в обсуждение не по теме и про неуютное ощущение от Тайлера в целом – в том числе про холодный прием и враждебные взгляды в канцелярии.

– Я уже предлагал: если тебе невмоготу, переходи в другую школу.

Линда помотала головой.

– Не уверена, что так можно. С новым уставом ничего непонятно. К тому же Тайлер – моя школа. Я лучше останусь и буду за нее бороться. Не сбегу и не брошу ее на произвол судьбы.

– Не подозревал в тебе такого патриотизма.

– Сам-то ты не уехал в Канаду при Джордже Буше, а? Хотя грозился.

– Не уехал.

– То-то же.

– Но тебя не уволят? Ты явно в черном списке. Вдруг уволят, да еще без компенсации?

– Пусть только попробуют! Я их со скоростью звука в суд притащу. За что увольнять? Я хороший учитель, десять лет получаю положительные отзывы. Увольнение будет безосновательным.

– И все же...

– Да что ты так разволновался?

Фрэнк вздохнул.

– Ходят слухи, будто почти весь ай-ти-сектор нашей компании передадут на аутсорсинг. Моя работа висит на волоске, поэтому хоть у кого-то из нас должна быть стабильная зарплата.

– Ты уже начал рассылать резюме?

– Еще нет. Вдруг все неправда? Может, мне, наоборот, возьмут да и предложат прибавку. Или повышение. Начну зондировать почву в других фирмах – потеряю такой шанс. В общем, я решил выждать.

Линда чмокнула мужа и с трудом улыбнулась.

– Будем выжидать оба.

Глава 6

Кейт Робинсон разложила на кухонном столе содержимое большого белого конверта, принесенного Тони из школы. Призыв к родителям вступать в родительский комитет... скидка от частной компании, предлагающей репетиторство по математике... извещение об общем родительском собрании – явка родителей обязательна... реклама канцтоваров от магазина «Таргет»... скидочный купон от «Кока-колы»...

Кейт слышала о том, что Тайлера сделают независимой школой, в конце лета. Услышала – и обрадовалась. Она читала в «Лос-Анджелес таймс» об академических успехах таких заведений. По мнению редакции, округ только выиграл бы, если бы как можно больше школ в нем получили статус независимых. Тогда Кейт целиком поддержала идею, чтобы школа Тони пошла по этому прогрессивному пути. Однако постепенно уверенность таяла. Кейт не нравилось то, что дело принимало коммерческий оборот: администрация упирала в основном на сбор средств и прочие вопросы, не имеющие никакого отношения к образованию.

Не нравилось и то, что родителей обязали вкладывать в школу либо время, либо деньги. Кейт с отцом Тони были вынуждены подписать соглашение, по которому они обещали отработать в школе Тайлера минимум двадцать часов в семестр. Иначе Тони пришлось бы перевести в обычную старшую школу: Вашингтона – в плохом районе – или Филлмора – в другом конце города, куда еще попробуй доберись. Подобные ультиматумы со стороны государственной школы – или отработки или перевод ребенка, – наверное, были незаконны, но Кейт считала, что на борьбу с ними у нее не хватит ни денег, ни сил.

Одна из бумаг в конверте адресовалась не Кейт, а Тони, и содержала в себе клятву верности. Сопроводительное письмо сообщало, что со следующей недели традиционную ежедневную клятву флагу США заменят на другую, адаптированную для школы. Кейт прочла:

Клянусь в верности старшей школе имени Джона Тайлера и устоям, которые она символизирует, одному ученическому братству под единым Уставом, с правилами и предписаниями для всех³.

Очень странно, решила Кейт и перечла еще раз. Типичная клятва, короткая и немногословная. Однако кое-что в ней смущало: она подразумевала, будто школа важнее всего на свете, и ученики должны быть верны ей, а не нации.

Это было как-то неправильно.

Кейт вернулась к содержимому конверта. Преподаватель рисования, мистер Суэйм, прислал записку: не могут ли родители помочь ему подготовить завтра материалы для занятий? Нужно по двое родителей от каждого класса. Эта помощь засчитывалась в отработку, поэтому Кейт быстренько послала учителю мейл: она с удовольствием все сделает. Вечером пришел ответ: ей нужно явиться в кабинет рисования завтра в половине восьмого, за полчаса до начала уроков.

Утром Кейт отправилась в школу на машине, а Тони – пешком. Подросток, что поделаешь. На данной жизненной стадии он ни в какую не желал признавать наличие у себя родителей. Тони взял с матери обещание: в школу они явятся отдельно, и Кейт не будет его замечать при случайной встрече на школьном дворе.

³ Клятва верности флагу США, произносимая учениками всех школ ежедневно перед началом первого урока, звучит так: «Я клянусь в верности флагу Соединенных Штатов Америки и республике, которую он символизирует, одной нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех».

Родителям, прибывшим на отработку, полагалось сперва отметиться в канцелярии. Кейт отстояла на удивление длинную очередь, записала свое имя в журнале, получила от секретаря «пропуск волонтера» и спросила дорогу к кабинету рисования. В западной части школьной территории Кейт поджидал еще один сюрприз: на маленькой лужайке перед нужным кабинетом толпилось довольно много взрослых. Двенадцать женщин и один мужчина. Это, конечно, логично – двое родителей от каждого класса, семь классов, – но непонятно, зачем столько народу? Целых четырнадцать человек станут вырезать фигурки из цветной бумаги, проделывать отверстия в картоне или заниматься еще какой-нибудь ерундой?

Родители разделились на две группы. Первую составляли мамочки-домохозяйки, которые явно знали друг друга очень давно. Они бегло поприветствовали Кейт неискренними улыбками и вернулись к обсуждению семейных фотоальбомов. Вторая группа была меньше, но даже хуже – стайка татуированных родительниц-неформалок. Они и вовсе проигнорировали существование Кейт. Та в конце концов пристроилась к чьей-то бабушке по имени Лиллиан, которая с довольным видом рылась в огромной холщовой сумке – искала вязальный крючок. Кейт с Лиллиан болтали, точно добрые приятельницы, пока дверь кабинета не распахнулась и учитель не пригласил всех внутрь.

– Знаете, – доверительно шепнула Лиллиан, – я не уверена, что мое присутствие вообще зачтут. По соглашению отрабатывать должны *родители* моей внучки Меган. Разрешат ли мне их замещать?

– Поговорите с кем-нибудь в канцелярии. Вам должны пойти навстречу.

– Должны. Только пойдут ли? Пока что моя дочь не в восторге от этой школьной независимости. Я, надо сказать, тоже.

Одна из мам-неформалок – похожая на крысу дамочка в камуфляжных штанах и поддельной футболке группы «Рэмоунз» – протолкалась мимо Кейт и Лиллиан в класс, одарив последнюю злобным взглядом. Кейт хотела было возмутиться, но новая знакомая поймала ее взгляд и с грустной улыбкой покачала головой: мол, оставьте.

Как только все вошли и закрыли дверь, мистер Суэйм быстро заговорил:

– В этом году у меня семь художественных классов: от рисунка для начинающих до продвинутого гончарного дела. Обычно для каждого направления составляется своя программа, но, поскольку школа Тайлер теперь независима, мне дали относительную свободу действий и разрешили вести междисциплинарные занятия. – Учитель поднял руку, предвидя возмущение. – Я по-прежнему буду преподавать рисунок в классе рисования, живопись – в классе живописи, гончарное дело – в гончарном классе и так далее. Однако периодически я стану комбинировать программы разных направлений и давать всем ученикам одинаковые задания. Начну с фигуры человека. Мне необходимо найти женщин, согласных позировать в эту пятницу для каждого из семи классов.

– Позировать? – переспросила одна из неформалок.

– Да.

– В?..

– В обнаженном виде, да.

Пораженная Кейт уставилась на преподавателя, не веря собственным ушам.

– Вы говорите о наших *детях*! – гневно воскликнула любительница семейных фотоальбомов.

– Не переживайте, – успокоил ее мистер Суэйм. – Вас я позировать не приглашу. – Он обратился к остальным родителям: – Тех, кто не будет позировать, я попрошу подготовить материалы для другого занятия, где...

– Я иду к директору с жалобой, – заявила возмущенная мамочка-домохозяйка и пулей вылетела из кабинета.

Следом за ней поспешили еще три дамы из той же группы. Кейт приросла к месту. Она бросила взгляд на Лиллиан – та тоже выглядела потрясенной до глубины души.

Мистер Суэйм прокашлялся.

– Я начал рассказывать про тех, кого не выберут для позирования. Они будут готовить материалы: нарезать по заданным размерам бумагу для рисования, наливать в бутылочки клей, отмерять глину.

– Кого *не выберут* для позирования? – Вперед выступила женщина с крысиным лицом. – Как вы собираетесь выбирать? – Она лукаво улыбнулась. – Просмотр нам устроите?

– Вообще-то, да. Именно поэтому я пригласил вас сюда до начала уроков. – Учитель указал на единственного отца, на Лиллиан и одну фотоальбомную мамочку, которая по непонятной причине не сбежала. – Вы отпадаете. Остальные раздевайтесь. Трусы тоже снимайте.

Родители дружно повалили прочь из кабинета. Сердце у Кейт стучало как сумасшедшее – от страха, от смущения. *Он хотел посмотреть на нее голую...* Она выбежала в двери следом за Лиллиан. Краем глаза Кейт заметила, что женщина с крысиным лицом и еще две мамы-неформалки остались. Одна уже начала стягивать с себя футболку.

– Я... – начала Лиллиан и, не найдя слов, просто покачала головой.

– Этого мужика выгонят, – решительно заявила Кейт. – Я добьюсь его увольнения. Он нарушает закон.

Они с Лиллиан присоединились к процессии разгневанных родителей, шествующих в канцелярию. В приемной, у высокой стойки, уже стояла директор и слушала разъяренные вопли тех четырех мамочек, которые вылетели из кабинета рисования первыми. Она спокойно посмотрела на Кейт – прямо в глаза. Та увидела руководительницу школы впервые и немедленно ее невзлюбила. Кейт привыкла верить своему чутью, и неважно, как его называть: шестым чувством, женской интуицией или проницательностью. Сейчас чутье кричало, что директор Хоукс – жесткая, несговорчивая дрянь, которая считает себя всегда и во всем правой. Таких людей Кейт целенаправленно избегала. Она быстро глянула на Лиллиан и убедилась, что у пожилой дамы сложилось похожее мнение.

Тем не менее Кейт протолкалась вперед и заявила: мистер Суэйм не только предложил мамам позировать обнаженными перед собственными детьми и перед их одноклассниками, но и решил устроить этим мамам просмотр и велел им раздеться.

– И некоторые согласились! Сейчас у него в кабинете настоящий стрип-клуб!

Директриса слушала возмущенных родителей, молча кивая. Когда крики немного поутихли, она наконец заговорила:

– Вы обеспокоены, я вижу. Если кто-нибудь из вас решит отказаться от участия в проекте мистера Суэйма, я пойму. Сегодняшнее время обязательно зачтут вам как добровольную отработку. – Ее лицо стало жестче. – Однако предупреждаю вас раз и навсегда: я ни в коем случае не стану ущемлять академическую свободу своих преподавателей. Мы боролись за право стать независимой школой, чтобы избавиться от мелочной опеки узколобого управления образования, чтобы не допустить чужого влияния на нашу учебную программу. И я не позволю горстке каких-то родителей-ханжей диктовать художественные стандарты нашему высококвалифицированному и весьма одаренному персоналу. – Директриса твердо посмотрела на родителей. – Можете перевести своих детей в другие классы, где есть места. Имеете право. Однако если в таком возрасте вид груди, обнаженной для творческого процесса, выводит ваших детей из душевного равновесия, то их ждут большие трудности при переходе во взрослую жизнь.

– Речь не только о груди, – сердито выпалила Кейт. – Он требовал, чтобы мы сняли белье. Понимаете? Пятнадцатилетние мальчики будут смотреть на женскую промежность. На влагища. По-вашему, это нормально?

– Я...

– *Влагалища*. Влагалища собственных матерей или матерей своих друзей. В классе. С вашего одобрения. Такое и вправду кажется вам нормальным?

Директриса посмотрела на Кейт в упор, и та напряглась. До чего неприятный взгляд! Жесткий, да, только не в жесткости дело. Было в этих темно-карих глазах что-то еще – глубокое, темное, непонятное... Кейт вдруг стало страшно.

– Повторяю, – неожиданно спокойным голосом сказала директриса, – вы вольны перевести своего ребенка в другой класс, если уроки мистера Суэйма вас не устраивают. В канцелярии вам с радостью помогут все оформить. – Она фальшиво улыбнулась. – Если вопросов больше нет, я вернусь к работе. Прошу меня извинить.

Директор Хоукс исчезла, оставив разгневанных родителей в еще большем смятении. Из-за ближайшего стола встала стройная женщина в строгой одежде и подошла к ним. На лице ее играла неискренняя улыбка – как у коммивояжера или ревностного новообращенного, – а на бейдже стояли имя и должность: «Бобби Эванс, административный координатор».

– Вам помочь? – спросила она.

Кейт третьей по счету перевела сына из художественного класса мистера Суэйма на факультативный курс «Синее и серое», про Гражданскую войну. Она вышла на улицу, растерянная и злая. Лиллиан уже уехала: бабушка не имела юридического права представлять интересы внучки, необходимо было присутствие родителей. Кейт в одиночестве побрела на стоянку. Теперь Тони должны вызвать в канцелярию и сообщить ему о замене. Однако Кейт не верила, что кто-нибудь из сотрудников этим озаботится. Она сделала себе мысленную пометку – когда сын придет домой, спросить у него насчет перевода.

Одновременно с Кейт к стоянке подошла еще одна женщина: та самая мамаша с крысиным лицом, которая осталась в кабинете мистера Суэйма на «просмотр». Она узнала Кейт, глянула на нее в упор, разгладила поддельную футболку на поддельном бюсте и гордо улыбнулась.

Глава 7

Едва ступив на школьный двор, Брэд, Майла и Эд увидели группку, окружившую флагшток. Ученики, человек восемь-девять, держались за руки – мальчики и девочки вперемешку – и, склонив головы, повторяли слова молитвы за преподавателем музыки, мистером Карром.

– А я-то думал, у нас церковь отделена от государства, – громко бросил Эд, проходя мимо.

– ...И благослови неверующих, – нараспев произнес мистер Карр, словно по заказу, – чтобы познали они великодушие Твое и почерпнули из него силу.

– Терпеть не могу верующих придурков, – объявил Эд.

– Эй! – возмутилась Майла. – Я, между прочим, тоже верующая!

– Ты же понимаешь, о чем я.

– Нет. – Она застыла как вкопанная. – Не понимаю.

– Чувак, выручай, – взмолился Эд, глядя на друга.

– Он, видимо, имел в виду святош, – пояснил Майле Брэд и указал назад, на молящуюся группку. – Вот таких.

– Точно, – кивнул Эд.

– Они не все святоши.

– Да брось.

– В смысле, «брось»?

– Ты шутишь.

– Совсем нет. Эшли, например, классная, и она ходит в мою церковь.

Эд хмыкнул.

Брэд начал закипать.

– Они собирают подписи за то, чтобы вывесить в библиотеке десять заповедей.

– И что?

– А то. Почему люди, которые мечтают везде понатыкать десять заповедей, обычно поддерживают войны и смертную казнь, а? Вот смотри. «Не убий» – это ведь важная заповедь, так?

– Так, – настороженно подтвердила Майла.

– Значит, по их понятиям убивать плохо. Но если ты кого-нибудь убьешь, тогда тебя самого следует убить, потому что убивать – плохо. Конечно, если начнется война и правительство прикажет тебе убивать жителей другой страны, тогда можешь убивать, кого хочешь. Мужчин, женщин, даже детей. Причем чем больше чужаков убьешь, тем лучше. Тебя даже медалью за такое наградят. Но когда вернешься домой, тогда, понятное дело, убивать опять нельзя. Убьешь – и тебя самого казнят. Потому что убивать плохо.

– Ты все упрощаешь, – тряхнула волосами Майла.

– Seriously?

– Ты в дебатах участвовать не думал? – ухмыльнулся Эд. – У тебя талант, чувак.

– Не хочу больше об этом говорить. – Майла пошла дальше.

Возле шкафчика ее уже поджидали Синди с Ребой. Обе, завидев спутников Майлы, нахмурились.

– Надо найти Шерил, – сказала Реба. – У нас тут кое-что намечается.

– Что?

Девушки покосились на Брэда с приятелем и не ответили.

– Намек понят. – Брэд легонько сжал плечо Майлы. – Пока.

– Мы теперь не сможем сорвать праздник урожая! – удаляясь, громко посетовал Эд.

– Придурок! – крикнула ему вслед Синди.

- Ничего лучше в голову не приходит? – отозвался он.
- Оставь их в покое, – сказал Брэд. – Что ты, как третьеклассник?
- Они первые начали.
- Не первые.
- Ну, все равно заслужили.
- Вот тут согласен, – усмехнулся Брэд.

Друзья побрели каждый к своему шкафчику, взяли нужные вещи и вновь встретились на углу корпуса. До первого урока было еще десять минут, поэтому они вышли во двор. Вдали, у библиотеки, стояли Майла, Синди, Реба и Шерил, что-то горячо обсуждали.

- Слушай, – спросил Эд, – вы вообще планируете, ну, типа официальное свидание?
- В субботу, – ответил Брэд.
- Отлично! – Эд вскинул пятерню, но хлопка по ней не дождался. Уронил руку. –

Хочешь совет?

- Насчет чего?
- Хочешь или нет?
- Ладно, давай уже свой совет.
- Вывали прибор на стол. В разгар свидания. Девчонки такое любят. Видят большую волосатую штуку у себя перед носом и не могут удержаться, чтоб ее не облизать.
- Шикарный совет. – Брэд закатил глаза. – Знаешь, я его лучше для тебя поберегу. Если ты хоть когда-нибудь выберешься на свидание, то попробуешь. Потом поделишься опытом.
- Чувство юмора кончилось, – покачал головой Эд.

Святая правда. Когда речь заходила о Майле, чувство юмора у Брэда пропадало напрочь. Он относился к ней серьезно – пусть в их отношениях пока и не хватало определенности. Брэд не мог на эту тему шутить, он слишком дорожил Майлой. Да, испытывать такие чувства в столь юном возрасте было еще рано – но Брэд испытывал, хотя и не собирався рассказывать о них Эду. Да и Майле тоже.

Во дворе собралась толпа. Несколько десятков ребят стояли плечом к плечу и напряженно глазели на поляну выпускников. Брэд вытянул шею. Не слышалось ни криков, ни суматохи, которые обычно сопровождали драку. Что там произошло? Взрослых нигде не было видно. Брэд с приятелем протолкались сквозь толпу вперед и наконец поняли, куда все смотрят.

На школьный талисман. Точнее, на костюм школьного талисмана. Обычно на каждом спортивном мероприятии в этот наряд облачался кто-нибудь из весельчаков-болельщиков и приставал ко всем подряд. Сейчас костюм тигра лежал на траве: руки-ноги были раскинуты в стороны и прибиты к земле, внутренности наполняла какая-то коричневая дрянь, подозрительно смахивающая на дерьмо. Кругом роились мухи, много мух. Их жужжание перекрывало даже гул озадаченной толпы.

Эд присвистнул.

- Здрасьте-херасьте с двумя писюнами и шариком мороженого!

– Ты эту идиотскую фразу повторяешь с восьмого класса, – повернулся к нему Брэд. – Полная мура! Что она, блин, значит?

- Откуда я знаю? – невозмутимо протянул Эд. – Я ж до нее в восьмом классе додумался.
- Так хватит ее повторять.
- А мне нравится.
- Это школа Вашингтона сделала, сто процентов, – сказала высокая плотная девочка. –

Мы с ней в субботу играем.

Толпа согласно зашумела.

Не похоже на невинную проделку соперников, не согласился про себя Брэд. Слишком уж безжалостно обошлись с костюмом. Нешуточно. Безобидные объяснения здесь не подхо-

дили, дело было серьезное. Это явно чувствовали все ребята – хотя вслух и говорили другое. Унылый тон и отсутствие веселья выдавали общий настрой. Казалось бы, смешно: надоедливый тигра напичкали дерьмом, так ему и надо! Однако никто не смеялся.

Если это сделала не школа-конкурент, тогда кто? И зачем?

Пришел уборщик, и толпа начала редеть. Кому охота смотреть на уборку *дерьма*? Если в костюме и вправду оно, зрителей может стошнить.

Прозвенел звонок, и Брэд махнул Эду:

– Пока, до второго урока.

– Давай.

После урока они встретились у шкафчиков, поболтали с Натаном Уитманом – тот намекнул, будто кое-что знает про изгаженный костюм, но соврал. В результате на математику друзья опоздали. К удивлению Брэда, мистер Коннор их не отчитал – лишь неодобрительно глянул.

Учитель встал посреди кабинета, обвел глазами класс.

– Понимаю, вам хочется обсудить мистера Долливера и то, что с ним произошло. Однако я вам заявляю: *здесь* не место для досужих домыслов. У нас идет урок алгебры, и мы будем изучать алгебру – как делаем это каждый день. А теперь откройте учебники и решите номера с пятого по пятнадцатый на странице двадцать три. Когда все закончите, мы вместе их проверим. Даю вам десять минут.

Долливер? А что с ним произошло? Брэд посмотрел на Эда; тот помотал головой и озадаченно пожал плечами.

Весь урок мистер Коннор заваливал учеников заданиями и не давал им переговариваться, поэтому возможность что-то выяснить появилась лишь после звонка. В коридоре Брэд подошел к Джоуи Масвику и спросил про Долливера.

– Ты не слышал? У него в компьютере нашли детское порно.

– Гонишь!

– Не-а. Голые мальчики и все такое.

– Детское *гей*-порно?

– Говорят, да.

– Здрасьте-херасьте, – округлил глаза Эд.

Брэд недовольно покосился на друга.

– Я так понял, его отстранили на время, пока все не уладят. Только сомневаюсь, что он вернется.

– Я тоже, – кивнул Брэд.

– Не похож Долливер на такого, – недоуменно покачал головой Эд. – Конечно, по виду не всегда угадаешь, но...

Брэд думал так же. И не он один. По дороге во двор друзьям встретилось немало знакомых – все дружно недоумевали.

Поляну выпускников уже убрали. Вот только учеников на ней по-прежнему не было.

Ни одного выпускника на поляне выпускников.

Брэд видел такое впервые за все три года, что ходил в школу Тайлера. Зрелище было тревожное. Беспокойство, поселившееся у Брэда в душе, видимо, отразилось и на лице: Майла, которую он встретил у кабинета биологии, тут же спросила, что с ним.

– Ничего, – ответил Брэд.

Однако он соврал, и Майла это поняла, и они в конце концов поругались.

Обед Брэд провел с Эдом. Жевал бутерброд, смотрел, как вороны с воробьями гулко бьются о баскетбольные щиты на площадке, и слушал, как школьники приветствуют каждую новую птицу-камикадзе хриплыми воплями.

* * *

Столярное дело. Последний урок на сегодня.

Эд миновал чертежный кабинет, затем – мастерскую металлообработки и, не доходя до столярной мастерской, замедлил шаг. Вчера он пришел сюда пораньше. Дверь в столярку стояла открытой, но учителя не было. Эд тогда ужасно перепугался. Столярка, как магнитом, манила к себе задир и двоечников, а они Эда терпеть не могли. На его счастье, вчера три самых злостных хулигана оказались заняты – они приставали к Уэйну Дику, в углу возле ленточной пилы. До самого прихода мистера Руиза эти гады не замечали Эда – большое везение.

Поэтому сегодня он предусмотрительно прошел мимо открытой двери дальше, словно направляясь в автомастерскую. Бросил беглый взгляд внутрь столярки и увидел у стола мистера Руиза. Гадов не было. Эд быстренько сдал назад и нырнул в мастерскую.

Пронесло.

Почти сразу явился и Тодд Зивни с приятелями: они шутливо тыкали друг друга кулаками и гоготали над очередной своей жестокой проделкой, устроенной в коридоре. Зивни был главным в шайке хулиганов и мучил Эда с восьмого класса. Эд с опаской наблюдал, как Зивни важно прошествовал мимо мистера Руиза, в ожидании звонка уселся на рабочий стол и внимательно осмотрел мастерскую. На миг взгляды Зивни и Эда встретились. Эд поспешно отвел глаза, сердце у него бешено застучало.

– Мистер Зивни, – громко сказал учитель. – Будьте добры, слезьте со стола и сядьте на стул. Я устал повторять вам это изо дня в день.

Гад молча глянул на преподавателя и даже не пошевелился.

– Мистер Зивни!

На него уже смотрел весь класс. Эд вдруг заметил на рукаве своего мучителя нашивку с эмблемой. Как у полицейского или охранника. *Что это такое?* Эд прищурился, чтобы разглядеть получше. Рычащий тигр – школьный талисман – в окружении одинаковых пальм, на фоне корпусов Тайлера. Знакомый логотип, такой стоял на фирменных бланках школы.

Эд вспомнил о костюме, набитом дерьмом. Чокнутый какой-то день, паршивый. И конец у него не лучше.

Зивни без единого звука упрямо смотрел на учителя.

– Отправляйтесь-ка в канцелярию, вы наказаны, – приказал мистер Руиз и достал бланки дисциплинарных актов.

Зивни спрыгнул со стола.

– Не отправлюсь, – заявил наглец и двинулся к мистеру Руизу.

Голос и вид у Зивни были угрожающими. Внутренности у Эда скрутило, сердце испуганно заколотилось.

– Я не обязан вас слушаться. Я теперь скаут Тайлера! – Зивни выставил вперед нашивку на рукаве, извлек из кармана значок. – Директор Хоукс уполномочила меня следить за тем, как ученики – *и учителя!* – соблюдают правила и предписания.

– У вас бред.

– Да что вы? Сегодня утром директор Хоукс вызвала меня к себе и назначила помощником! Теперь я обязан проверять, как *вы* выполняете свои обязанности. А если не выполняете...

Окончание предложения зловеще повисло в воздухе.

Лицо учителя покраснело от злости. Он с хрустом вырвал из блокнота заполненный дисциплинарный акт.

– Будьте добры отнести это в канцелярию, мистер Зивни.

Тот дерзко выпятил подбородок.

– Думаете, вы меня заставите?

– Да, мистер Зивни. – Мистер Руиз встал. – Заставлю.

– Давай, старик. Я тебя уложу! – Зивни сунул значок назад в карман и выставил вперед кулаки.

– Давайте-ка выйдем из класса.

– Нет.

У Эда перехватило дыхание. Дело плохо. Если б не мистер Руиз, Эд уже давно попал бы в неминуемую беду. Без учительской защиты Эд – покойник. Он скосил глаза на Уэйна: у того на лице тоже застыла паника. Почти все ребята в классе выглядели испуганными, одни только дружки Зивни возбужденно ржали и подталкивали друг друга локтями.

Неожиданно Зивни сделал выпад правой. Кулак вылетел вперед и... промазал. Мистер Руиз ловко уклонился от удара и ткнул мальчишку в живот. Несильно. Лишь чтобы предупредить: учитель *сможет* сделать наглецу больно – при желании.

Казалось бы, на этом все должно кончиться.

Не тут-то было.

Зивни пошатнулся и едва не въехал головой в металлическую столешницу. Он скривился, тяжело задышал, громко заглатывая воздух. В следующий миг метнулся к куче с обрезками и выхватил из нее деревянный брус сечением два на четыре дюйма. Мистер Руиз подобрал с пола брус подлиннее. Оба настороженно закружили друг напротив друга на свободном пятачке у двери. Эду вдруг вспомнилось увиденное где-то название фильма – «Битва кувалдами». Древнее кино, снятое в начале двадцатого века, наверняка примитивное до безобразия. Однако само название вызвало в голове у Эда страшную картинку, и картинка эта поселилась там навечно. Сейчас она вновь всплыла в памяти, принесла с собой знакомое тошнотворное чувство. Учитель столярного дела и ученик вот-вот начнут молотить друг друга досками... Как кувалдами.

Зивни – разъяренный, красный – издал дикий вопль и замахнулся. Он вложил в замахах столько силы, что деревяшка рассекла воздух со свистом. Мистер Руиз вскинул свою доску, будто меч, и парировал удар. Брус Зивни отскочил под неожиданным углом и обрушился на голову хозяина. Тот с глухим стуком рухнул на цементный пол, как подкошенный. Брус приземлился сверху, на спину Зивни.

На короткий миг Эд подумал – *понадеялся*, – что гад умер. Но Зивни застонал, с трудом встал на ноги и ошеломленно уставился в пространство – словно не понимая, где он.

Учитель посмотрел на Рика с Митчеллом, дружков Зивни. Те больше не смеялись.

– Отведите его в медпункт, – велел мистер Руиз. Затем взял со стола дисциплинарный бланк. – А это занесите директору.

Преподаватель тяжело дышал. Эд испугался, что Митчелл с Риком сейчас вдвоем накинутся на мистера Руиза и отметелят – оба с ненавистью буравили его взглядом. Однако хулиганы послушались. Стоило им выйти, как остальные ученики с облегчением занялись обработкой деревяшек.

Эд задумал в этом семестре сделать два футляра для автомобильных колонок. Правда, машины у него пока не было – да и колонок тоже, если уж на то пошло. Он принялся шлифовать заготовку, которую выпилил вчера из кленового бруса, однако мысли витали не здесь. Вернулись приятели Зивни. Рик, бредя мимо, якобы невзначай налетел на Эда. Целый семестр терпеть такое?! Митчелл с Риком занялись своими делами, а Эд подошел к мистеру Руизу и попросил выписать пропуск на поход в канцелярию.

– Что случилось? Вам плохо?

– Я, наверное, перейду в другой класс, – тихо сказал Эд.

Он думал, что учитель станет его отговаривать, но мистер Руиз все понял и кивнул с ободряющей улыбкой.

– Нам будет тебя не хватать.

– Дело не в... – начал Эд.

– Я знаю, – заверил мистер Руиз.

Эд брел по школьному двору и радовался. Словно тяжелый камень с плеч!.. В проходе между корпусами естествознания и обществоведения ему встретилась Шерил. Президент ученического совета не обратила на Эда внимания, зато он ей улыбнулся.

– Привет, Шерил! Как делишки?

– Отвали, – проворчала она и проскочила мимо.

– Ну, тогда я беру назад свое приглашение на выпускной танец. Ты вычеркнута.

– Размечтался, слабак.

Он рассмеялся.

Двор выглядел непривычно пустым. В прошлые годы выпускники, у которых обычно не бывало седьмого урока, торчали на своей поляне – ждали, пока кончатся занятия у друзей, приставали к идущим мимо «малолеткам». В этом году во дворе не было никого: только Эд да незнакомая девочка, спешащая от театральной студии к туалетам.

Может, администрация придумала новое правило: ученикам нельзя слоняться по двору после уроков? Дурацкое было бы правило...

В этом году многое изменилось.

Не в лучшую сторону.

Эд толкнул тонированные двери в канцелярию, вошел. Воздушная легкость, возникшая после ухода из столярки, моментально исчезла. Он постоял, привыкая. «Как-то здесь жутковато», – мелькнула мысль. Эд уже и раньше это замечал. Лампы, к примеру, светили слишком тускло, а в углах стояли непонятные тени – откуда им взяться в разгар дня? Было и еще что-то... неуловимое. Эд медленно, даже с опаской шагнул вперед. Протянул разрешение секретарше за стойкой.

– Я хочу поговорить с куратором.

Эд с удивлением услышал собственный голос – слабый, приглушенный.

– А кто у тебя куратор?

– Не знаю. Я в выпускном классе. Наверное, мистер Хилл.

– Мистер Хилл в школе больше не работает, – сообщила секретарша. От ее тона у Эда по коже поползли мурашки. – Ваш новый куратор – мисс Тремэйн. Кабинет Б, в том коридоре.

Мимо беззвучно проплыла помощница учителя с конвертами в руках: лицо у нее было невыразительное, взгляд бессмысленный. Ее словно загипнотизировали.

Зомбировали.

«И правда, как зомби». Эд вздрогнул, увидев еще одну помощницу учителя с таким же отсутствующим выражением лица.

Секретарша смотрела на него... *с подозрением?* Эд торопливо поблагодарил, обогнул стойку и устремился к нужному кабинету. Коридор, хоть и короткий, Эду не понравился. Да и вся канцелярия тоже. Куратор, впрочем, выглядела нормально. Он постучал по косяку открытой двери, получил в ответ улыбку и приглашение войти.

– Здравствуй. Я мисс Тремэйн. – Она протянула руку.

Эд не привык обмениваться рукопожатием с женщинами. Пальцы у нее были тонкими, а кожа – мягкой. Он сел возле стола.

– Слушаю тебя.

– Я хочу перевестись в другой класс на седьмом уроке.

– Как тебя зовут? – Она ввела имя в компьютер. – Хочешь уйти со столярного дела?

– Да, – с облегчением выдохнул Эд.

– Объяснишь причину?

Он помедлил.

– Не хотелось бы.

– Мне нужно знать причину.

– В классе есть драчуны. Они меня недолюбливают. Ненавидят еще со средней школы.

– Преподаватель должен...

– Один из них сегодня устроил с преподавателем драку. Сейчас этот парень в медпункте. – Эд подался вперед. – Послушайте, мистер Руиз все понимает и не возражает против моего перевода. Помогите мне, пожалуйста, найти другой класс...

Куратор помолчала, потом кивнула.

– Хорошо. – Голос ее прозвучал сочувственно. Она нажала кнопку на клавиатуре. – Столярное дело – факультатив. Значит, я так понимаю, обязательные занятия у тебя уже все расписаны. Тогда что бы ты хотел изучать? Что тебе интересно?

– А где есть места?

– Седьмой урок?⁴ Мест маловато.

Мисс Тремэйн повернула экран к Эду. Да уж, и вправду «маловато».

– Может, помощник библиотекаря?

Мисс Тремэйн нахмурилась.

– У тебя хороший набор предметов для подготовки к колледжу. Зачем разбавлять его несерьезным курсом?

– Ну, я же не на «здоровое питание» записываюсь.

– Ходить на седьмой урок вообще необязательно.

– Мне надо баллы набирать. К тому же библиотечное дело – это продвинутый курс, он увеличит мне средний балл аттестата.

– Хорошо, – сдалась куратор. – Нужно еще разрешение родителей.

– Позвоните маме. – Эд продиктовал номер мобильного.

Через пять минут он сбегал в столярку, получил подпись мистера Руиза на переводной форме и вернул ее мисс Тремэйн. Та взамен выдала Эду другой бланк, для библиотекаря.

– Скажешь миссис Фрателли, чтобы она занесла потом форму мне. Удачи! – пожелала куратор.

Эд улыбнулся.

– Спасибо.

Он вышел в короткий темный коридор. Взгляд уткнулся в закрытую дверь директорского кабинета. На нее почему-то даже *смотреть* не хотелось.

– Эд? – позвала мисс Тремэйн.

Он обернулся.

– Если будут проблемы, смело приходи ко мне.

– Хорошо, – с улыбкой пообещал Эд. – Еще раз спасибо.

И направился в библиотеку.

В средних классах он проводил в библиотеке много времени – прятался от обидчиков, – но в старшей школе эта привычка сошла на нет. Во-первых, из-за библиотечарши – сердитой

⁴ В американских школах нет понятия стабильных классов – у каждого школьника индивидуальное расписание, и для изучения каждого предмета формируется свой состав учащихся. Ученики выбирают в конце года предметы, которые хотят изучать в будущем году (из списка обязательных и факультативных, все они влияют на средний балл аттестата), а также уровень сложности предмета. Затем канцелярия составляет расписание, причем оно одинаковое каждый день на весь год. Один и тот же предмет изучается в одном и том же кабинете на одном и том же по счету уроке. Для поступления в колледж или университет требуется определенный балл аттестата – чем престижней колледж, тем выше должен быть средний балл. Поэтому заинтересованные в поступлении ученики стараются брать побольше предметов, чтобы улучшить средний балл своего аттестата.

мрачной тетки, вылитой злой волшебницы из страны Оз. Во-вторых, из-за самой библиотеки. В средней школе она находилась в просторном, приветливом помещении, а вот в Тайлере... Двухэтажное уродство выглядело устрашающе, настоящее архитектурное бельмо в глазу. Оно унылой глыбой торчало среди светлых, воздушных корпусов школы, построенных в испанском стиле – с арочными проемами и колоннами. Внутри библиотеки было темно и угрюмо: грубые кирпичные стены, коричневое ковровое покрытие, серые тонированные окна. Тусклые точечные светильники с трудом развеивали мрак. Узкая лестница, расположенная ровно по центру библиотеки, соединяла два этажа, тесно заставленных высокими книжными шкафами. На верхнем этаже вдоль стен стояли ряды читательских столов с перегородками; на нижнем – свободный пятачок перед стойкой занимали несколько круглых столов.

Эд замер перед закрытыми двустворчатыми дверями. С какой радости он вдруг решил работать здесь помощником?! Мисс Тремэйн права – седьмой урок совсем не нужен. Да и вообще: можно было выбрать фотографию, нормальный ведь курс!

Эд усталился на затемненные окна. Как его сюда занесло? На душе стало тревожно. Канцелярия... Она как-то на него повлияла, подтолкнула к решению. Тогда он этого не ощутил, да и сейчас еще не понял, в чем дело, – но результат говорил сам за себя. Если б Эд рассуждал здраво, он ни за что не записался бы на работу в библиотеке.

«Если будут проблемы, смело приходи ко мне...»

Вернуться к куратору, опять перевестись в другой класс? Немного поразмыслив, Эд отбросил эту идею. Смелчаком он не был, зато был любопытным. Интересно посмотреть, как все сложится.

И вообще, что за дурацкие мысли его посетили? Да, канцелярия выглядела странно-вато, но чтоб она могла *влиять*? Куда-то *подталкивать*? Бред!

Не понравится работать в библиотеке – запросто можно будет перевестись.

Эд толкнул библиотечную дверь. Из полумрака пахнуло не прохладой, а теплом. Противным таким.

Столы стояли пустыми. Из-за стойки на Эда смотрела незнакомая девушка – тоже помощница библиотекаря. Больше в зале никого не было, и Эд протянул бланк перевода ей.

– Миссис Фрателли на месте? – спросил он.

Откуда-то из сумрачных глубин за стойкой раздался ровный, бесцветный голос:

– Это мистер Хейнс?

– Вы мистер Хейнс? – вопросительно посмотрела на него девушка.

Видимо, куратор позвонила сюда и предупредила о приходе Эда.

– Да. Эд Хейнс. Помощник библиотекаря.

На девичьем лице не мелькнуло ни проблеска интереса.

– Проводите его в мой кабинет, – велел голос.

Глаза Эда уже привыкли к темноте, и он разглядел просторную нишу за стойкой. Три стены занимали металлические полки с книгами, возле них стояли две тележки. В четвертой стене, без полок, темнела дверь. Хотя она была закрыта, Эд не сомневался – голос шел оттуда.

– Миссис Фрателли ждет вас у себя в кабинете. – Девушка указала на двери и, подняв крышку стойки, запустила Эда внутрь.

– Знаю, – сообщил он, протискиваясь мимо. – Я слышал.

Девица бросила на него хмурый взгляд. Эд привык к подобной реакции, и ему было плевать. Безликая услужливость помощницы его раздражала, и он сомневался, что они с ней станут друзьями. Хорошо бы на этом уроке здесь работал еще кто-нибудь – повеселей да поприятней...

Эд постучал.

– Входите, – пригласила миссис Фрателли.

Кабинетик оказался тесным и захламленным, но Эда потрясло не это. Его взгляд прилип к фотографии на заваленном бумагами столе. Снимок запечатлел миссис Фрателли: волосы начесаны, макияж чересчур яркий... а из одежды – лишь кружевной красный бюстгальтер да трусики.

– Покажите, пожалуйста, бланк перевода.

Эд перевел взгляд с фотографии на суровое, неприветливое лицо библиотекарки и понял – она заметила, куда он пялился. Эд постарался скрыть смущение, протянул бланк.

– Хотите быть моим помощником? – недоверчиво осведомилась дама.

– Да, – соврал Эд.

Миссис Фрателли посмотрела на бланк, немного помедлила и расписалась.

– Милости просим в библиотеку, – с безрадостной улыбкой сказала она.

Глава 8

Фрэнк забыл завести будильник, и они проспали. Впопыхах оделись, выскочили из дому. Впрочем, Линда могла не спешить: сегодня у учителей был запланирован день саморазвития, и учеников в школе не ждали.

То есть это *раньше* Линда могла не спешить.

В *независимой* школе все изменилось. В прошлом на посещаемость таких мероприятий смотрели сквозь пальцы, теперь же к делу подошли строго. У входа в театральную студию усадили Бобби. Она записывала время прибытия каждого сотрудника и выдавала ему бейдж. При появлении Линды Бобби щелкнула ручкой и сверилась со списком.

– Имя? – спросила Бобби, словно увидела Линду впервые в жизни.

– Господи Боже!

Линда попыталась войти.

– Минутку. – Бобби торопливо перерыла пластиковые прямоугольники на столе. – Прошу.

– Бейдж я не надену, – заявила Линда.

– Так надо! – возмутилась Бобби. – Положено.

– Не буду. Идиотизм.

Не обращая внимания на негодующие вопли секретарши – ах да, *административного координатора*, – Линда прошла в студию.

На занятия явились не все – но почти все. Она, стараясь никому не мешать, села в последнем ряду, возле двух физруков. На сцене, за ораторской трибуной, стояла Джоди и говорила в микрофон. Линда нахмурилась. Откуда взялась трибуна? Это было что-то новенькое. И очень затейливо украшенная – сложной резьбой, золотым и серебряным тиснением. Голос директрисы звучал из ультрасовременных колонок, тоже новых.

Линда оглядела зал в поисках Дианы.

В этом семестре в школу пришло много девятиклассников, и Линда с Дианой попросили заказать дополнительные учебники – штук двадцать, не больше. Джоди отказала, сославшись на дефицит средств.

– Если получится, купим вам учебники позже, через пару месяцев. Уставный комитет вынужден строго контролировать бюджет и правильно расставлять приоритеты. На год выделена фиксированная сумма, мы не сможем попросить у округа еще.

А вот на крутую трибуну и аудиосистему, значит, «скудного» бюджета хватило!

Приоритеты...

Директриса со сцены расписывала преимущества работы в независимой школе. Мол, у преподавателей в ней больше академической свободы; контроль бюджета осуществляется на уровне школы, а не окружного управления, поэтому высвобождаются средства на повышение зарплат и на разные поощрения.

Линда покачала головой. К чему все эти речи? Тайлер ведь уже стал независимой школой! Джоди необязательно агитировать сотрудников и дальше.

Или обязательно?

Линда присмотрелась внимательней. На лице директрисы читалось желание – нет, *потребность* – убедить слушателей в том, что они стали частью важнейшего движения в истории образования. Джоди их вербовала! Ей было недостаточно, чтобы люди просто здесь работали, – она хотела, чтобы они эту школу *любили*! Джоди не успокоится, пока все до последнего сотрудника не поклянутся в вечной преданности Тайлеру.

На свете нет ничего страшнее фанатика.

Линда слушала, затаив дыхание. До присвоения школе независимого статуса Джоди выступала на собраниях коротко и немногословно. Теперь же со сцены вещал, не умолкая, пламенный оратор а-ля Фидель Кастро.

Директриса все говорила и говорила, но тон речи постепенно менялся: из страстно-призывного он становился все более резким, вызывающим. Джоди вытащила микрофон из стойки, сошла с трибуны и начала мерять шагами сцену.

– По закону, чтобы сохранить за школой независимый статус, мы должны повысить успеваемость учащихся, то есть их экзаменационные баллы. В ближайшие пять лет нас трогать не будут, и за это время нам нужно разработать план действий. Как поднять средний балл Тайлера? Мы с комитетом видим два пути. Первый – трудиться в поте лица, подтягивать всех учеников, особенно отстающих. Или... – Джоди с улыбкой остановилась посреди сцены. – Или отсеять всех отстающих. Пусть переходят в другие школы, а у нас останутся только успевающие!

С передних рядов донеслись одобрительные возгласы. Уставный комитет?

– Мы превратим школу Тайлера в самую сильную не только в округе, но и в штате. Во всей стране!

Восторженных криков стало больше.

Линда ошеломленно застыла. Задачей школы было давать образование, а задачей Линды – не жалея сил давать знания каждому ребенку в классе, будь он отличник, двоечник или середнячок. Кроме того, она сама несказанно радовалась при виде огонька в глазах какого-нибудь мальчишки-книгоненавистника, который вдруг открыл для себя радость чтения, – потому что его заинтересовал роман, выбранный ею, Линдой. Предложение Джоди потрясло Линду до глубины души. Отбирать способных учеников, лишь бы повысить школьные показатели?! Невообразимо!.. Линда торопливо огляделась. Как реагируют остальные? Она всегда считала, что толпа пробуждает в людях худшее, что стадное чувство затмевает врожденную порядочность. Опасения подтвердились. Учителя, которые сейчас радостно аплодировали ужасной идее Джоди, сами по себе были хорошими людьми и увлеченными преподавателями, но в общем запале потеряли способность мыслить здраво и превратились в единый, до жути послушный организм, готовый на все по первому слову вожака.

Джоди перешла к следующей теме: о наказании родителей, которые во время уроков возили детей к врачам, стоматологам или – о, ужас! – забирали чад на семейные мероприятия.

– Родители обязаны планировать подобные визиты так, чтобы те не мешали школьным занятиям! – провозгласила директриса. – Поэтому с сегодняшнего дня вводится наказание: однодневное отстранение от уроков для ребенка и штраф в пятьдесят долларов для родителей!

Вновь аплодисменты – правда, уже не такие бурные.

– Ученики, которых родители забрали с занятий, лишаются права на пересдачу пропущенного материала.

– И да записано будет, и да свершится, – пробормотал сидящий впереди Пол Мэйс, который в Тайлере занимался с труднообучаемыми – «особыми» – детьми.

Линда невольно улыбнулась, хотя ничего смешного в происходящем не было. Она всегда ненавидела день саморазвития – как и большинство ее коллег. Кому нужны нудные лекции и семинары, от которых клонит в сон? Однако эти мероприятия хотя бы проводились в интересах учеников. Теперь же, надо полагать, преподавателям будут рассказывать не о том, как лучше учить, а о том, «как победить врагов-школьников и их родителей». Долой семинары, да здравствует военный совет!

Линда не видела, чтобы после нее в зал входил кто-то еще, однако последние опоздавшие, наверное, все же явились, поскольку Бобби оставила свой пост, прошествовала по

боковому проходу и поднялась на сцену. Секретарша что-то сказала Джоди, а затем почти-тельно замерла позади трибуны.

– Внимание! – воскликнула директриса, возвращая микрофон на стойку. – Мы подготовили для вас кое-что интересное. Фирмы, которые в этом году помогают нам с финансированием, любезно согласились продемонстрировать свои товары и услуги. Вы сможете выбрать, что вам больше по душе. Каждый преподаватель знает сумму, которую он с учениками должен собрать и сдать в фонд школы. Сегодняшняя выставка, организованная в спортивном зале, поможет вам определиться с тем, как вы станете это делать. Смело останавливайтесь у прилавков и задавайте любые вопросы.

Линда подняла руку. Джоди на нее посмотрела, но никак не отреагировала. Линда все равно выпалила:

– Пустят ли в спортзал без бейджа? А то я свой потеряла.

– У нее не было бейджа! – взвизгнула Бобби, рванув вперед. – Она отказалась его надеть!

Вокруг раздались смешки.

Джоди жестом остановила Бобби – разъяренную, красную.

– Да, вас впустят, – заверила директриса. – Уверена, вы будете приятно удивлены.

– Очень смешно, – заметила Диана, поймав Линду у выхода через несколько минут.

– Мне тоже понравилось, – хихикнула Линда.

– Учти, ты нажила себе врага на всю жизнь.

– Только сейчас? Не раньше?

– Тоже верно.

– Что творится со школой? – К подругам подошла Сьюзен. – Сплошные разговоры о сборе денег. И никому это не кажется бредом? Я-то думала, мы должны *учить*!

– Ты ломишься в открытую дверь, – кивнула Диана.

Сотрудники толпой, точно стадо баранов, протопали через двор к спорткомплексу.

– Как думаете, кто-нибудь заметит, если я сбегу к себе в кабинет проверять тетради? – спросила Сьюзен.

Диана напустила на себя шутливо-таинственный вид.

– Осторожней. Бобби не только считает нас по головам, но и прослушивает наши разговоры. Возьмут и урежут тебе зарплату за такие заявки.

– Может, твоя шутка – не такая уж и шутка, – сказала Линда.

– А я не совсем и шутила.

Двери спортзала были распахнуты. Внутри любопытным взглядам представало нечто среднее между ярмаркой и торговой выставкой. Прилавки, киоски, воздушные шары, даже оркестр. Несколько продавцов старательно перекрикивали друг друга в микрофоны, а под большим белым пологом две красотки в бикини исполняли танец живота.

– Что за чертовщина? – изумленно ахнула Диана.

Подруги переходили от стенда к стенду, собирали буклеты и каталоги, образцы и бесплатные пробники. Размах предложений поражал. Ученики могли ходить по домам и предлагать что угодно: от подписки на журналы и праздничных украшений до курортных отпусков и страхования жизни. Предусматривались даже награды: для школьников, которые продадут больше всего товаров, и для учителей, чей класс соберет больше всего денег. Линда остановилась перед прилавком с чудодейственными моющими средствами. Вся эта затея была ей не по душе. В классе у Линды учились дети, а не коммивояжеры, им полагалось думать об уроках, а не о сборе средств.

– Видели складную палатку? – восторженно спросил учитель биологии Билл Мэннинг, пробегаая мимо. – Она влезает в школьный рюкзак!

– С меня хватит. – Линда взвесила в руке большой пакет с бесплатными образцами.

– С меня тоже, – кивнула Диана.

Сьюзен сбежала к себе в класс еще раньше. Диана с Линдой миновали писклявого мужчину, расхваливавшего сковороду без ручки, и вышли во двор. Линда посмотрела на небо, глубоко вдохнула и внезапно ощутила, как давили на нее стены спортзала. Она глянула назад. Преподаватели толпились у киосков, пробовали и щупали товары, затем бежали на следующую презентацию.

– По-моему, школьников нужно награждать за успехи в учебе, а не за продажу всякой... дряни, – произнесла Линда.

– Ученика, который продаст больше всего журнальных подписок, покатают на лимузине, – сообщила Диана. – Представляешь? А того, кто продаст больше книг, отправят в «Фэмилиленд». Во время уроков!

– Бред!

Они пошли к своему корпусу. В половине двенадцатого родительский комитет должен был накрыть обеденный стол, дальше планировались какие-то лекции, а пока учителя могли заниматься чем угодно.

Диана оглянулась, проверяя, нет ли кого рядом.

– Ты про мужа Мишель слышала?

– Да! Господи, просто не верится!

– А слышала, от чего он умер?

Линда помотала головой.

– Захлебнулся собственной рвотой.

– Пьяный?

– Нет. Пищевое отравление. Уснул в кресле перед компьютером, голова откинулась назад. Беднягу вырвало, и он задохнулся. Вроде бы пытался откашляться, но не смог. – Диана сокрушенно вздохнула. – Жуткая смерть.

– Его нашла Мишель?

– Нет. Их сын.

– Взрослый?

– Десять лет.

– Ужас. – Линда помолчала. – Трезвый мужчина захлебнулся собственной рвотой... Такое нечасто бывает, а?

– Да уж.

– Тебе не кажется, что тут есть связь?

– Какая еще связь? – нахмурилась Диана.

– Мэри разводится. Колин переезжает, потому что ее мужа переводят в Техас. У Дэвида нашли детское порно...

– Никак не могу поверить!

– Да, а теперь еще у Мишель умирает муж. Умирает! С учителями, которые были против независимости Тайлера, происходят сплошные беды.

– Я слышала о теориях заговора, но твоя круче всех.

– Я серьезно. Включи аналитические способности. Наша сторона несет тяжелые потери, а безнаказанные союзники Джоди празднуют победу.

– Слушай, не сходи с ума. – Диана остановилась. – Я, как и ты, против всей этой независимости, но подумай сама! По-твоему, Джоди навела на противников порчу, что ли?

– Не знаю, – вздохнула Линда.

– Зато я знаю. Ты перегрелась.

– Тебе не кажется, что в этом семестре все как-то... странно?

– Странно было бы, если бы странностей не было, – улыбнулась Диана.

– Нет, ну правда. Новая клятва верности. – Линда качнула пакетом в сторону спортзала за спиной. – *Это* вот?..

– Да, странно, – признала Диана. – Но объяснимо. Никакой... мистики, или чего ты там надумала.

– Надеюсь, ты права. – Линда без особой уверенности опустила пакет. – Очень надеюсь.

Глава 9

Майла с благодарностью позаимствовала у мамы предложенный ею минивэн. Обычно в ответ на подколки Брэда Майла уверяла, будто девочки из ученического совета ей нравятся; на самом деле это было не так. В нынешнем семестре она и вовсе от них отдалилась. Может, из-за того, что стала проводить много времени с Брэдом и Эдом? Так или иначе пустая болтовня Ребы и Синди раздражала Майлу все сильнее. Иногда до такой степени, что Майла даже боялась с ними встречаться. С Шерил она такого не чувствовала, но ехать с ней на одной машине все равно не хотела. Подруга наверняка предложила бы посидеть в «Старбаксе» или «Дель тако», а Майла мечтала сразу после собрания вернуться домой.

Зачем нужно было назначать собрание на вечер? Непонятно. В прошлом году ученический совет заседал в обеденный перерыв, и всех все устраивало. Майла подозревала, что теперь Шерил тратила свой обеденный перерыв на вербовку сторонников: она горела желанием стать королевой выпускного бала и готовилась к событию заблаговременно. К тому же ее папочка, который вечно где-то пропадал и потому терзался угрызениями совести, сделал дочери шикарный «подарок на выпускной год» – новенький «Фольксваген». Шерил использовала любую возможность покрасоваться в нем, а вечернее собрание ученического совета служило для этого прекрасным поводом.

Машин на парковке было мало. Майла затормозила возле «Эксплорера» Ребы – точнее, Ребиного папы. Она заглушила двигатель, выключила фары, а радио оставила – и стала ждать кого-нибудь еще. Зря она все же не поехала вместе с Шерил. Фонари на стоянке горели, но каким-то приглушенным оранжевым светом и почти не разгоняли мрак. Здания же стояли совсем без света, только во дворе что-то тускло мерцало.

Майла прослушала одну песню. Вторую. Рекламу.

Глянула на приборную панель. Уже восемь, пора начинать собрание. Тогда почему на парковке так мало машин? Где все? Может, пришли пешком? Или приехали на велосипеде? Или припарковались на Грейсон-стрит, с другой стороны школы, – оттуда к месту заседания гораздо ближе, чем отсюда.

Отсюда надо было топать через всю территорию школы.

Майла вытащила ключ зажигания, выключила радио. Приборная панель погасла. Стало вдруг очень тихо. Девушка вышла из минивэна, заперла двери. Сейчас бы фонарик! В автомобиле где-то валялся, но где? Времени искать не было, она и так уже опаздывала.

Майла двинулась по пешеходной дорожке в глубь школьной территории. Шаги отдавались гулким пугающим эхом, а размытое мерцание впереди во дворе придавало корпусам и деревьям незнакомый вид. Жутковато...

Майла оглянулась на минивэн, стоящий рядом с «Эксплорером» и чьим-то светлым «Приусом». Ну хоть назад сюда одной идти не придется.

Она ускорила шаг.

В последнюю минуту Майла решила пойти не через центральный двор, а в обход, мимо столовой и обеденной зоны, и тут же порадовалась этому: в проходе между зданиями, перед входом в библиотеку, мелькнула маленькая темная фигура. Во дворе вдруг что-то грохнуло – будто из окна второго этажа выбросили ящик с инструментами.

Майла побежала. Свернула за угол.

Впереди показалась распахнутая дверь комнаты заседаний. Там горел теплый свет и было полно народа. Словно путеводная звезда... Майла перешла на шаг, постаралась успокоить дыхание. Удивительно, как она перепугалась по дороге сюда! И как нелепо обрадовалась сейчас людям – даже членам совета.

Собрание еще не началось. Несколько человек пока не пришли, и присутствующие в ожидании разбрелись по огромной комнате. Возле флага стояли Шерил, Синди и Реба. Майла поспешила к ним.

- Как вам мистер Николсон? – спросила Шерил.
- Как учитель? – Майла не поняла, что они обсуждают.
- Нет... Как мужчина.
- Фуу! – завизжали Синди с Ребой.
- Да тихо вы! – встревоженно шепнула Шерил.

Майла похолодела. Какое совпадение... Ночью она видела мистера Николсона в кошмарном сне. Дело происходило в спортзале. Голый физрук держал в руках кнут и хлестал им школьников. Девочки были раздеты и ходили по кругу, точно стадо коров. Во все стороны летели брызги крови, но никто не обращал на это внимания – даже те, кого доставал кнут. Одна только Майла попыталась сбежать, когда удары хлыста стали громче и быстрее, а мистер Николсон захохотал.

- Ребе нравится новенький из оркестра, – пояснила Шерил для Майлы.
- Франческо, – вставила Реба.
- Короче говоря, мы обсуждаем свидания, парней и все такое.
- И мистера Николсона? – хихикнула Синди.
- Заткнись. Разговор окончен. – Шерил отошла к длинному столу, где уже сидел куратор совета, мистер Майерс. – Начинаем собрание! – объявила она.

Все расселись. Два человека до сих пор не пришли – то ли опаздывали, то ли не собирались присутствовать вовсе, – однако заставлять остальных ждать так долго было бы неправильно. Шерил взяла молоточек и громко стукнула им по столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.